



---

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

---

Елена ТРАВИНА

## ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ В ЗЕРКАЛЕ ЖУРНАЛА «НИВА» (1870–1918)

По мшистым, топким берегам  
Чернели избы здесь и там,  
Приют убогого чухонца...

*А. С. Пушкин. Медный всадник*

Страна молодая, просыпающаяся, — страна будущего. В прошлом у нее только детские странные сказки и саги детства.

*П. П. Гнедич. Новелла наших дней.  
Нива, 1906, № 9*

Великое княжество Финляндское, прошедшее несколько русских завоеваний и включенное в Империю на правах автономии, на протяжении первой половины XIX, а тем более всего XVIII века, редко вызывало интерес у просвещенной российской публики. С легкой руки редких путешественников, чиновников генерал-губернаторства да офицеров тамошних гарнизонов расхожими фразами стали «бедная страна», «суровая природа», «неприхотливый народ». Самой часто цитируемой фразой

---

Елена Михайловна Травина родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет, кандидат философских наук. Сфера интересов — изучение истории дачных поселений Карельского перешейка начала XX века в рамках local history. Автор ряда книг и публикаций по данной теме. Лауреат премии журнала «Нева» за лучшую публикацию 2009 года в номинации «Публицистика».

стали слова А. С. Пушкина про «приют убогого чухонца». И казалось, что точка поставлена окончательно и можно забыть про север с его «немногословным» и «неприхотливым» народом и мечтать только о ярком юге и экспансивных итальянцах. Но север оказался не так прост. В годы романтизма последней трети XIX века он зачаровывал и манил красотами своей «дикой природы», а затем, в годы либеральных надежд, — энергией народа, который строит свою судьбу.

Эволюция образа Финляндии прослеживается в литературных произведениях того времени, а также на страницах периодических изданий. Наиболее репрезентативно такое изменение можно проследить на примере журнала «Нива». Во-первых, этот журнал охватывал почти полувековую и непрерывную историю издания (декабрь 1870 — сентябрь 1918). Во-вторых, это был общенациональный и практически общедоступный журнал для среднего класса с небывалым для России числом подписчиков (250 000 человек в 1904 году). Он одновременно и отвечал запросам своих читателей, и формировал общественные настроения.

Конечно, надо иметь в виду редакционную политику: «Нива» была детищем своего времени, когда на карте мира образовывались новые национальные государства и понятие «национального» было той базой, на которой должны были строиться политика, экономика и культура. Поэтому, рассказывая о других странах и народах, авторы «Нивы» пытались найти то самое «здоровое» национальное ядро, вокруг которого будет строиться новая жизнь. Финляндия в этом смысле для российского читателя была некоей экспериментальной площадкой, на которой из «приюта убогого чухонца» вырастал красивый, удобный, чистый город со справедливыми законами и трудолюбивым, образованным и патриотично настроенным населением. Если получается в Финляндии, почему не получится в России? Идеальная картинка, конечно, но это же было время героев Жюль Верна...

Журнал «Нива» был совершенно новым явлением среди периодических изданий своего времени. Издатель А. Ф. Маркс задумал его как практически первый российский иллюстрированный журнал для семейного чтения. Правда, вышел он, отстав от подобных изданий в Европе почти на 30 лет. Первой в мире иллюстрированной еженедельной газетой (а позднее журналом) была «The Illustrated London News», которая издавалась в Лондоне с 1842 года. По этому подобию в качестве лицензионного издания в 1843 году была создана «Illustrirte Zeitung», а с начала 1869 года (всего на два года раньше «Нивы») в Петербурге стала выходить «Всемирная иллюстрация» Германа Гоппе. Но несмотря на отставание по времени от европейских изданий, «Нива» не только прочно утвердила свое лидерство среди периодической печати в России, но и стала на равных в ряду европейских. При этом некоторые ее художники (как, к примеру, Густав Бролинг) работали сразу на нескольких работодателей, предлагая конкретные сюжеты, которые могли заинтересовать публику в Англии, Германии, Швеции и России.

Интересное и познавательное чтение для себя мог найти в «Ниве» и глава семьи — чиновник, и его супруга, участница многочисленных дамских кружков, и дети — студенты или гимназисты. Историческое развитие народов, политическое устройство различных государств, королевские дома и визиты коронованных особ, войны и мятежи, географические особенности той или иной страны с их природными красотами, архитектурные достопримечательности, повести, рассказы, стихи и раздел «Смесь» — все это было на страницах «Нивы». А кроме того — большое число иллюстраций: портретов исторических и государственных деятелей, картинок из жизни разных народов, бытовых зарисовок, фотографий городов, фотоотчетов со Всемирных выставок и прочее, и прочее.

Особое внимание редактор уделял страноведению и рассказам о жизни разных народов, живущих и в России, и в других государствах. Среди этих народов особое место занимали финны как народ, хотя и живущий по соседству, но отличающийся от остального населения России. Великое княжество Финляндское, формально вошедшее в Российскую империю в результате завоеваний, имело свой язык, органы управления, финансовую систему, национальную литературу и искусство. Это было необычно для других народов империи, административно включенных в систему губерний, и это необходимо было отразить для понимания места Финляндии в России и в мире. Именно такую рефлексию (в значительной степени неосознанную) оказалось возможно найти на страницах общероссийского журнала.

При этом на протяжении почти 50 лет издания журнала «Нива» образ Финляндии, этим журналом представляемый, менялся. Это было связано и с тем, что уточнялись, углублялись знания об этой стране и ее народе, и с тем, что в России в предреволюционные годы начала XX века возник запрос на некий идеал правильно управляемого государства с активным народом, который помогает движению страны по пути прогресса. Картинка динамично развивавшейся Финляндии, с ее железными дорогами и водным транспортом, системой народного образования, чистотой и порядком в городах и просто с запахом кофе, вьющимся над домами, рассматривалась в этой связи как некий образец. Но образец с поправкой на то, что это было не независимое государство, хотя и обладавшее значительной автономией в рамках Российской империи. Может быть, это даже добавляло привлекательности конструируемому образу: оказывалось, что в рамках разношерстной и крестьянской, в основе своей, империи есть некий оазис, где даже крестьяне выглядят и ведут себя иначе, чем в деревнях где-нибудь под Самарой. «Повсюду чувствовалась неторопливая, но упорная работа, желание вложить в общую деятельность и частицу своего труда», — наверное, это было общее наблюдение путешественников по Финляндии<sup>1</sup>.

Конструированием такого образа удовлетворялся запрос на прекрасную мечту в духе романов Жюль Верна: трудолюбивый народ может построить свою жизнь на началах справедливости и равенства, пусть и в борьбе с суровой природой. Энергичные Соединенные Штаты Америки были далеко, Европа уже шла по пути прогресса семимильными шагами, а «своя собственная», выходящая из болот и лесов, выплывающая из фьордов Финляндия была рядом. И это был положительный демонстрационный эффект для либерально настроенной части общества, которая, конечно, присутствовала среди подписчиков «Нивы». Это была близкая «заграница», всего в 40 верстах от Санкт-Петербурга, и разницу мог почувствовать каждый, кто садился на поезд на Финляндском вокзале. В 1870 году была построена железная дорога, соединившая Петербург через Выборг с Риихимяки, а оттуда с Хельсинки. Путешествие в «страну озер» стало легким и необременительным.

Но перед тем, как сесть в вагон, путешественник должен был иметь хоть какое-то представление о предмете своего вояжа. Журнал «Нива» (равно как и другие журналы, газеты, путеводители) предоставляли такую информацию.

Начав с небольших географических и природоведческих очерков о Финляндии, впоследствии «Нива» стала помещать полноценные и информативные статьи о политике, литературе, музыке, архитектуре и обычаях финского народа. Некоторые авторы повестей даже поселяли своих героев в Финляндии или просто сталкивали их с финнами в различных житейских ситуациях.

Впрочем, начнем с самого начала.

<sup>1</sup> Уплыла. Повесть Г. Т. Полилова. Нива, 1907, № 29. С. 479.

Первым упоминанием о Финляндии в «Ниве» стало печальное событие. В 1866—1868 годах там случился страшный голод, вызванный естественными причинами: аномально дождливым летом 1866 года, холодной весной 1867-го и заморозками в сентябре того же года. Невозможность оперативного получения займа для закупки продовольствия, отсутствие дорог для его доставки, когда оно уже было закуплено, распространение инфекционных заболеваний — спутников голода, — все это привело к огромному числу смертей, а также к появлению большого числа сирот. Для сбора средств в пользу последних устраивались различные благотворительные мероприятия, и об одном таком и рассказал своим читателям журнал «Нива». Это было «общественное гулянье, устроенное под покровительством их императорских высочеств: великой княгини Елены Павловны и великого князя Николая Николаевича-старшего в воскресенье, 28 июня, в Летнем саду, в пользу 25 000 сирот, оставшихся без призрения после голода в Финляндии» (Нива, 1870, № 27). Гулянье сопровождалось оркестрами военной гвардейской музыки, военными песенниками, иллюминацией; для публики была устроена лотерея-аллегри и некие детские сюрпризы. Как пишет репортер, публики собралась «несметная толпа» и благотворительная цель гулянья была вероятно «вполне достигнута».

Возможно, что некоторые на этом гулянье из «простого народа» впервые тогда узнали о Финляндии как о стране, несмотря на то что жили в Петербурге издавна бок о бок с финнами, карелами и ингерманландцами.

В отличие от остальной России, для петербуржцев финны не были таким уж загадочным народом. Поселения так называемой «Русской Финляндии» окружали Петербург со времени его основания, а сами находились там с незапамятных времен. За границей по реке Сестре находилась «Чухонская Финляндия», как называли в просторечье Великое княжество. Чухнами называли всех финнов и карел, и первоначально в этом не было уничижительного значения: так было переименовано летописное название «чудь», объединявшее народности прибалтийско-финской группы (водь, корел, ижор и эстов), издревле живших на этих землях. Жители «Русской Финляндии», жившие по эту сторону границы, привозили петербуржцам продукты сельского хозяйства, поставляли булыжный камень и песок, работали кухарками или городскими легковыми извозчиками. Последние были неотъемлемой частью Петербурга, их называли «вейками» в значении «братец», «приятель», «дружище». Вейки пользовались спросом и в обычные дни, поскольку брали меньше, чем другие извозчики (30 копеек за поездку в любой конец города), но особенно на Масленицу. «Масленичная картина будет неполна, если мы не вспомним о неизменном вейке, этом „убогом чухонце“, без которого, кажется, и представить себе петербургскую масленицу немислимо. Аккуратно одетый, с чистенькими санками, он мчится во весь дух, позвякивая бубенцами. И стар, и млад, и барин, и мастеровой считают своим делом хоть раз покататься на вейке. Существуют любители, которые нанимают лошадь на целый день, вейку оставляют и едут сами большой компанией куда-нибудь за город, в Озерки, в Парголово, на лоно природы. Разумеется, все эти развлечения мыслимы только в хорошую снежную зиму: в бесснежную вейки не приезжают, и масленица не имеет обычного веселого характера»<sup>2</sup>.

Или: «Житель Пб конечно не может себе и представить масленицы без множества чухонцев, наезжающих из окрестностей на своих бойких лошадах и в характерных маленьких саночках, ежегодно в количестве нескольких тысяч. Катанье „на чухонцах“

<sup>2</sup> Текст к рисунку Н. Лоренца «Масленица. Вейка». Нива, 1898, № 7.

издавна было одною из необходимостей, входивших в репертуар увеселений петербургского чиновничества. Горячая лошадка шибко перебирает бойкими ногами, кидая в стороны комья мягкого снега, и по гладкому льду Невы легко скользят саночки»<sup>3</sup>.

Если на Масленицу вейки приезжали в город, то на Иванов день любопытные петербуржцы отправлялись за город, чтобы увидеть старинные обряды. К пониманию увиденного они были приготовлены картинками и текстами в «Ниве». Иванова ночь, или Йоханнус, описывалась как «умирающий отблеск языческих поверий». Ее непременными атрибутами были костры на высоком месте на полянах, берегах залива или озера, хороводы с пением песен, сбегание с горы или скатывание зажженных смоляных бочек. В этот день собирали целебные травы, а особо храбрые люди искали цветков папоротника, дававший сверхъестественную силу.

Посмотреть на костры — «коки» — съезжались окрестные дачники. Вот как описывалась поездка в одном из рассказов: «На одном повороте лес внезапно начал редеть, мельчать и скоро перешел в кустарник, пологой волной скатывавшийся в ложбину. За ложбиной на противоположной горе пылал огромный столб пламени, взбрасывая совершенно перпендикулярно вверх снопы огненных охлопей, почти не давая дыма, ровно теплясь в безветренном воздухе, словно гигантская свеча. На „коках“ оказалась масса народа, и окрестных поселян, и дачников. Место празднества приходилось на холме, в нескольких саженях от перепутья трех дорог, из которых две перекрещивались, а одна, добежав до перекрестка, сливалась с ними. Все свободное пространство вокруг холма между кустами и деревьями, было запружено колясками, фаэтонами, тележками, дрожками, дрогами, дрожками, верховыми лошадьми. В воздухе стоял тот смутный говор, который, каким всегда сопровождаются подобные сборища»<sup>4</sup>.

Значительную часть финляндского землячества в Петербурге составляли железнодорожники: чиновники и технический персонал Финляндской железной дороги. С ними были хорошо знакомы петербуржцы, у которых были собственные или съемные дачи на территории Великого княжества Финляндского. А летом по Неве и малым рекам города бегали кораблики Финляндского легкого пароходства, которые связывали различные районы города. Они перевозили от 8 до 13 миллионов человек за сезон. Зимой же через Неву от Исаакиевской площади к Васильевскому острову устраивался рельсовый перекат. Путь занимал чуть меньше минуты и стоил всего 2 копейки. Ежедневно им пользовались от 8 до 10 тысяч человек (Рельсовый перекат через Неву. Нива, 1894, № 5). Финляндское общество паровых катеров было основано в 1873 году Рафаэлем фон Хаартманом. В сфере интересов Хаартмана были также железная дорога, пароходное движение в Петербурге, Нижнем Новгороде и Севастополе<sup>5</sup>, а также благоустройство дачной местности в Терийоках, где у него была дача — вилла «Алиса»<sup>6</sup>.

Бойкие пароходики Финляндского легкого пароходства остались запечатлены на картинах художников «Нивы», а также в воспоминаниях современников.

Были еще «ледоколы», то есть те, кто вырубали на Неве лед, а затем доставляли кубы, или, как их называли, «кабаны», льда в многочисленные городские и пригородные домашние ледники<sup>7</sup>.

Несколько ранее по времени писатель, фольклорист и лексикограф Владимир Даль так писал о занятиях финляндцев в Петербурге: «Чухонца или финляндца вы не уви-

<sup>3</sup> Текст к рисунку Н. Каразина «Масляница. На чухонских санях». Нива, 1879, № 6.

<sup>4</sup> П. С-кий. Господин Бржестинский. Нива, 1878, № 18. С. 307.

<sup>5</sup> Энгман Макс. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 214.

<sup>6</sup> Вилла «Алиса», <https://terijoki.spb.ru/photos/index.php?/category/1894>.

<sup>7</sup> В Петербурге на 1872 год насчитывалось около 20 000 домов, и в каждый на зиму требовалось по 25 «кабанов» от 10 до 30 копеек за каждый. Нива, 1872, № 2.

дите ни в дворниках, ни в сидельцах, ни даже в разносчиках, кроме привозящих яйца, масло и молоко [...]. Высший круг ремесленного или рабочего сословия из этого народа, это серебряники; за ними следуют трубочистные мастера; черный народ, оседлый в Петербурге, идет смолода в трубочисты, иногда нанимается в кучера; идущие на заработки промышленляют легковым извозом, и то более зимой, из ближайших деревень, верст за сто, полтора; в ломовых же извозчиках вы никогда не увидите чухонца. Кроме того, Выборгские крестьяне возят в столицу песок, на лодках и гужем, булыжный камень и все вообще сельские припасы, пригоняя иногда на придачу, несколько голов своего малорослого рогатого скота»<sup>8</sup>.

Более знакомой была «Русская Финляндия», находившаяся в предместьях Петербурга, по эту сторону границы на реке Сестры. Но с годами рос интерес к «Чухонской Финляндии», за границей в Белоострове по Финляндской железной дороге, и именно о ней в основном повествовала «Нива». К 1890-м годам сформировался некий устойчивый взгляд на Финляндию и ее коренное население:

Финн — человек, к которому «приклеен» образ «печального пасынка природы» из поэмы Пушкина «Медный всадник».

Природа в Финляндии суровая: здесь ничего нет, кроме холодных озер, елей, мхов и гранита.

Такая природа вырабатывает тип упорных и молчаливых людей. Финны немногословны, неприхотливы и терпеливы. Всегда заняты тяжелым трудом: ловят рыбу, обрабатывают поля, освобождая их от вековых валунов, работают на кузнице. Работа суровая, без смеха и говора. Песни однообразны.

У финнов светлые волосы и глаза (фразеологизм «белоглазый финн»).

Мужчины с заскорузлыми трудовыми руками постоянно курят «вонючую трубку-носогрейку». Женщины некрасивы, но опрятны и целеустремленны.

Финны любят свою «родину-мачеху». Их учителя с малых лет учат детей любви к родине и к природе.

Народ здоровый, не боящийся зимних холодов.

В торговле и при заключении коммерческих сделок народ честный, «крепкий и верный на слово».

Везде чисто и дисциплинированно.

Не собирают грибы.

Пьют много кофе.

Со временем взгляд со стороны на Финляндию менялся. И природа не выглядела уже столь «сурово», и жители не были такими угрюмыми. А когда в журнале появились статьи о финских художниках, музыкантах и литераторах, когда оказалось, что в Финляндии кипит политическая жизнь, о которой только могли мечтать в России, то из любопытства и интереса возникло уважение. Понемногу стал формироваться образ Финляндии как европейской страны, руками трудолюбивого народа построившей жизнь на основе законов, — такой страны, которой когда-нибудь сможет стать и Россия.

Но первыми все же Финляндию стали открывать путешественники и туристы, которые оставляли самые общие впечатления об увиденном, и в первую очередь о природе.

## ПРИРОДА И ПРИРОДНЫЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Об этом рассказывали путешественники, которые бывали на Сайме и Иматре, Валааме и в Монрепо. Это были первые рекомендуемые маршруты для тех, кто хотел увидеть «дикую природу», кое-где преобразованную «трудолюбивыми руками».

<sup>8</sup> В. Даль. Чухонцы в Питере, 1861.

## Сайма и Иматра

«Нива» на протяжении десятков лет в целом ряде очерков рассказывала о красотах водной системы Вуоксы, о строительстве на ней судоходной системы, о прекрасном водопаде Иматра и о тамошних гостиницах.

Первым стал очерк, посвященный Сайменскому каналу, в журнале за 1874 год. И этот очерк стал поистине песнью покорения человеком дикой природы во славу прогресса и цивилизации. «Мы очень хорошо знаем все диковинки Европы, и не иметь понятия о каком-нибудь туннеле, о каком-нибудь замечательном сооружении считалось бы у нас чуть ли не преступлением. Между тем, многие ли у нас имеют точное понятие о Сайменском канале, этом удивительнейшем создании труда и науки? Чтобы привести в исполнение колоссальную идею прорытия канала — нужно было предпринять не менее колоссальную борьбу с гранитными твердынями Финляндии, и тут человек явился полным победителем природы». Искусство строителей состояло не только в том, что надо было прорубать путь сквозь гранитные скалы, но и в том, что вследствие разницы высот между Сайменским озером и Финским заливом им пришлось построить 28 шлюзов и 9 мостов. Далее автор очерка пишет о том, что инженер Эриксон обещал построить канал за 15 лет и всего за 3 миллиона рублей серебром, что было очень быстро и дешево для такого рода строительства. Объяснение он находит следующее: «Загадка эта объясняется непоколебимой честностью финского племени, порядительностью при работах, а отчасти также и относительной дешевизной рабочих рук и продовольствия».

Под конец журналист настоятельно рекомендует отправиться в летнее путешествие в Лауритсала, к началу Сайменского канала: «Дорога в высшей степени живописна, хоть и не оживлена памятниками человеческой жизни и деятельности; но тем сильнее впечатление, когда посреди этого безлюдья, посреди лабиринта скал и лесов, вдруг является одно из самых гигантских созданий человеческого гения. Это первый памятник человека в Финляндии, но такой, который никогда не перестанет возбуждать удивление в потомстве». Будущий путешественник непременно должен обратить внимание на грозные скалы, нависающие над каналом, шлюзы с зубчатыми колесами и воротами, на легкие резные чугунные мосты, «на великолепную гранитную набережную и гранитный тротуар для бичевника, там, где некогда была одна сплошная гора гранита, и везде поражает громадность труда и необыкновенное торжество человека над природой» (Нива, 1874, № 17).

Уже через год вышла новая статья о водной системе Сайменского озера и реки Вуоксы с водопадом Иматра. И если в прошлой статье упор был сделан на строительстве канала как творению человеческих рук, то здесь — на необыкновенной красоте озера и водопада. Журналист прошел на пароходе весь путь и подробно описал каждый вид, каждый поворот, каждую природную достопримечательность. В середине пути он достиг водопада Пикку Иматра, или Малая Иматра, затем, проплыв по тихим в этих местах водам Вуоксы, полюбовался окрестным, совершенно швейцарским пейзажем, с «засеянными и обработанными полями», «хорошенькими домиками» и пасущимися стадами со звенящими колокольчиками. Дальше он достиг Койвусаари — скалы, на вершине которой растет одна береза. И наконец, до него начинает долетать «страшный и вместе с тем величественный гул» водопада Иматра.

«...Вся необъятная масса сайменских вод стремится прорваться сквозь эту теснину, и можно судить, что за шум, что за могучий рев и грохот поднимаются здесь. Кажется,

будто вода стремится не вниз, как в других водопадах, а мчится вверх к небу. Красоты и величия этой картины, конечно, не передаст никакое перо; надо собственными глазами видеть эту огромную массу kloкочущей воды и ту гигантскую мощь, с какой она вскидывает вверх колоссальные бугры белой пены. Один за другим, выше и выше растут эти бугры и, достигнув высшей точки, рухают, рассыпаясь серебристыми, жемчужными, бриллиантовыми букетами. Трудно оторвать глаза от этих фантастических форм, от чудного перелива цветов, когда водопад освещен солнцем. Смарагды, рубины, сапфиры пересыпаются с крупными жемчужинами и бриллиантами, словно в волшебном калейдоскопе»<sup>9</sup> (Нива, 1875, № 34).

Но и здесь человек не остался в стороне от природы, приспособивая ее для своих нужд. С одного берега на другой был переброшен стальной трос, изготовленный в Лондоне. По тросу на блоке передвигалась плетеная корзина, в которой могли уместиться два человека, летящие над водопадом «весело, как птица». А после этого аттракциона можно было отправиться в свой номер в отеле, построенном здесь же, на берегу, совсем недавно, в 1871 году. Этот роскошный отель в готическом стиле привлекал не только возможностью взглянуть на водопад, но также и светской жизнью — балами и музыкальными вечерами. Окончание статьи звало немедленно в дорогу: «Какую бы дорогу ни выбрать от Выборга до Иматры, всякая из них будет рядом самых живописных картин, а сама Иматра навсегда неизгладимо останется в памяти того, кто раз в жизни видел ее». Энтузиазм автора статьи по поводу увиденного не вызывает сомнения, но остается легкое подозрение, что его бойкое перо работало на Иматровское акционерное общество, доставлявшее путешественников к Иматре на своих пароходах, дилижансах и селившее их в своих отелях.

Следующей по времени была практически пошаговая инструкция путешествия по Сайменскому каналу к Иматре, написанная и проиллюстрированная начинающим тогда литератором Петром Гнедичем<sup>10</sup>. Вот как он описывал свою первую поездку в воспоминаниях: «Я уговорился с Матэ ехать вместе на Иматру. У меня тщательно сохранились 25 рублей на эту поездку. Ему нетрудно было тоже собрать такую же сумму из своего журнального заработка, и в начале июля мы поехали.

Нас захватила Финляндия. Тихие спокойные заводи и бурные пороги, запах ландышей, смолистый запах сосен, которым тогда была переполнена новая иматровская гостиница, — все это оставило на нас, молодых, полных сил, стоявших на рубеже будущей деятельности, — неизгладимое впечатление. Потом прошли двадцать и тридцать лет, и мы с упоением вспоминали это наше студенческое путешествие, — как бродили мы по лесам и берегам Вуокси, как радостно приветствовала нас душистая северная весна. Как наслаждались мы природой, как полно дышали с нею одною общей грудью»<sup>11</sup>.

Нельзя сказать, что автор сообщил что-то совсем уж новое об увиденном, но продемонстрировал редкую наблюдательность и даже цитировал «Калевалу». Его рассказ можно с полным правом назвать литературным произведением, поскольку, кроме самого рассказчика, его героями явились двое англичан-путешественников, над которыми автор постоянно подшучивал (они были даже более экзотичны, чем финские скалы и Иматра).

<sup>9</sup> При описании водопада Иматра автор явно вдохновился стихотворением Державина, посвященном водопаду Кивач. Г. Р. Державин, «Водопад», 1794.

<sup>10</sup> П. П. Гнедич. Поездка на Иматру. Из путевых впечатлений. Нива, 1877, № 30. Петр Петрович Гнедич (1855–1925) — писатель, художник, драматург, театральный деятель. На протяжении всей жизни сотрудничал с «Нивой».

<sup>11</sup> П. П. Гнедич. Книга жизни. Воспоминания. <https://readli.net/chitat-online/?b=426058&pg=18>



В 1892 году была открыта железная дорога от Выборга на Иматру и построен железнодорожный мост. По случаю этого события «Нива» снова вспомнила об этих местах и поместила подробный отчет с фотографиями о строительстве моста и о гостинице. Затем время от времени «Нива» возвращалась к этой теме, помещая рисунки художников и даже стихотворение Н. Б. Хвостова, посвященное водопаду:

Гремящим потоком навстречу преград,  
Весь в брызгах жемчужных и пене,  
Клубясь у порогов, несется каскад  
И скачет, как барс, чрез ступени<sup>12</sup>.

1907

В 1903 году состоялось открытие новой гостиницы на водопаде Иматра. «Красивый и эффектный финляндский водопад Иматра за последнее время все более и более привлекает к себе посетителей-туристов. Близость от Петербурга, удобство сообщения (беспересадочные поезда, хорошие вагоны) делают то, что поезда финляндской железной дороги, отправляемые прямо на Иматру и отходящие из Петербурга в предпраздничные дни, бывают обыкновенно битком набиты пассажирами, а на самой Иматре не хватает для них в отелях мест. Теснота стала особенно чувствоваться с тех пор, как два года тому назад сгорел на Иматре огромный отель. Сооружение нового приюта для туристов являлось поэтому крайне желательным, и вот, нынче на месте сгоревшей старой гостиницы возникла новая, поэтически названная Cascade d'Imatra.

18 октября состоялось открытие этой гостиницы, представляющей собою нечто замечательное по своей внешней и внутренней отделке и по красоте своего местоположения. Cascade d'Imatra удивительно подходит по своему стилю к окружающей местности и настолько дополняет ее, что теперь как-то уже не представляешь себе Иматру, ее бешеный каскад, несущийся среди скал и сосен, без этого оригинального здания, похожего на средневековый замок.

Отель расположен у правого берега водопада и представляет собою огромный дворец, выстроенный в модернизированном скандинавском стиле. Внутренняя отделка здания по своей красоте и художественной простоте вполне соответствует его величественному наружному виду. Входная лестница, великолепная столовая, отделанная деревом, мебель в стиле „empire“, — все это производит впечатление чего-то оригинального и в то же время изящного, не похожего на обычную „отельную“ обстановку. Стены оклеены светлыми обоями „нового стиля“, полы не крашены, но покрыты лаком; огромные окна. Вообще, всюду масса света, воздуха, простора и такая щепетильная чистота, которую дай Бог встретить даже в больнице.

В гостинице имеется около 100 номеров, большинство которых имеет балконы и выходит прямо на водопад. Сидя на этих балконах, можно непосредственно любоваться игрою водопада и вдыхать тонкую водяную пыль, носящуюся в воздухе. Кроме того, устроены и большие общие веранды, на которых в летнее время будут помещаться ресторанные столики.

Отель Cascade d'Imatra освещается электричеством, а отопливается центральным способом. На сооружение этого роскошного здания потребовалось два года; строил его архитектор Нюстрэм, и нашим соседям-финляндцам таким образом можно высказать по поводу этого „замка на Иматре“ много вполне заслуженных комплиментов. А заодно с этим, не мешает упрекнуть нас, русских, за леность и косность по отношению к на-

<sup>12</sup> Николай Борисович Хвостов был внучатым племянником поэта А. С. Хвостова из круга «Беседы любителей русской словесности», к которому принадлежал также Г. Р. Державин.

шему „собственному“ водопаду Кивачу: финляндцы так благоустроили свою Иматру, что побывать на ней — одно наслаждение, а до Кивача и добраться-то трудно, а жить там еще труднее» (Нива, 1903, № 44).

Но настоящей одой Финляндии можно считать строки вышеупомянутого П. П. Гнедича из его повести «Новелла наших дней», напечатанной в № 9 «Нивы» за 1906 год. И они заслуживают, чтобы привести их целиком.

«Вуокси, — или, как принято у нас неправильно называть, — Вуокса — самая красивая река в России, а может быть, и в Европе. Ее светлые, прозрачные, как горный хрусталь волны сносят из горных озер такую уйму воды, что местами, там, где скалистые кручи не сжимают ее, он разливается на версту и больше и затопляет веселые зеленые луга, покрытые пестрой сетью душистых ярких цветов.

Весною тянет с берега ароматом первых ландышей; потом на смену им поднимается сладкий запах клевера и земляники. Потом пряный запах сена дает смешанный аккорд всех цветущих трав и цветов. В августе — идет землистый грибной дух, когда приземистые крепкие беляки пробиваются на откосах своими крепкими головками наружу. А вслед за ними поднимается легкий, неуловимый, но очаровательный запах лиственного перегноя осени, — когда опавшая пожелтевшая одежда деревьев шуршит жестким шепотом при порыве ветра, и золотые листья молодых берез лежат по дорогам, как груды червонцев в кладовых скупого рыцаря — холодной осени.

Я люблю Финляндию за необъятный простор ее озер, за тихие разливы сонных заводей, за мощные вечнозеленые сосны и ели, за ее прозрачные, опаловые июньские ночи, — когда в полночь небо охвачено бледно-розовым полымем немеркнувшего заката, и на берегу, у теплой водной сырости, можно свободно читать, вслушиваясь в таинственную замороженную тишину, только изредка нарушаемую криком коростеля или всплеском крупного лосося.

Я люблю Финляндию глубокой зимой, когда она вся покрыта пушистым ароматным снегом. Этот при закате горит на ветвях елей и сосен, как расплавленное золото. Наверху, между чешуйчатых шишек, прыгает, раздувая веером хвост, красавица-белка. Лиса неслышно катится низом, поводя своей остроносою хищною мордою. Гигантский лось с целым лесом ветвистых рогов показывает свою допотопную морду из чащи молодой поросли. Заяц, как угорелый, мечется из-под ног и летит куда-то в свое укромное логовище, прядая пушистыми ушами и дергая носом. Серебряные звонки мягкой трелью звенят на уздечках мохнатых коньков. Быстро мчатся на лыжах стройные краснощекие девушки в коротких юбках и серых ушастых шапках.

Страна молодая, просыпающаяся, — страна будущего. В прошлом у нее только детские странные сказки и саги детства»<sup>13</sup>.

Так мог написать только человек, по-настоящему влюбленный в Финляндию и верящий в ее будущее.

П. Гнедич и другие литераторы формировали романтический образ природы Финляндии, где люди живут в гармонии с ней. И даже вторгаясь в ее царство, делают это бережно, не нарушая ее законов. Где сразу за полотном железной дороги или шлюзом снова начинаются чистые озера и леса.

Именно в таких местах жила героиня еще одного рассказа: «Она провела свое детство среди густых, ароматных лесов финской Карелии, на берегу чистых, как хрусталь, озер, отражающих на своей зеркальной поверхности вековые ели и сосны. Глушь, но глушь мирной пустыни, среди дикой, чуть ли не девственной природы, где появление постороннего составляет целое событие, где стадо диких оленей спокойно бродит

<sup>13</sup> П. П. Гнедич. Новелла наших дней. Нива, 1906, № 9. С. 130.

недалеко от поселка, не опасаясь ничего для себя дурного, где бурый медведь, нередкий гость хлебного амбара, с целью покормиться овсом, где непуганые белки сотнями прыгают по деревьям»<sup>14</sup>.

Благодаря постройке Финляндской железной дороги русские художники дружно отправились на пленэры в «Страну озер». У кого-то были там построены собственные дачи, и для этюда было достаточно выйти на крыльцо или пройти к соседнему озеру. Кто-то приезжал специально в дальние и глухие места, чтобы запечатлеть их первозданную красоту. На протяжении почти 50 лет издания «Нивы» на ее страницах помещались гравюры с картин, акварелей и рисунков, изображавших финские пейзажи, виды городов, бытовые сценки, портреты известных и безымянных людей. Автор насчитала около 40 имен художников, в той или иной степени отобразивших тему Финляндии в своем творчестве. Среди них были и маститые академики Императорской академии художеств, и сейчас почти безвестные выпускники этой академии, которые писали романтические пейзажи для продажи. Художники также выставляли свои произведения для всеобщего обозрения на ежегодных художественных выставках в Петербурге.

«Нива» с видимым удовольствием печатала на своих страницах эти романтические пейзажи, изображающие леса, высокие скалистые берега озер, где голос человека долетал до другого берега и возвращался эхом. Вот комментарий к одной из картин, принадлежавшей кисти художника Егорнова: «...типичный пейзаж, хорошо знакомый всякому, кто посещал „страну тысячи озер“ — каменистую и лесистую Финляндию. Огромные белесоватые валуны, на которых каким-то чудом растут огромные ели, светлая вода бесконечных озер и бледное небо — вся Финляндия пред нами в этой картине. Не та Финляндия, которая в своих городах так походит на культурную и вылощенную Европу, но Финляндия лесов и гор, в которых как будто все еще звенит голос старого деда Вейнемейнена»<sup>15</sup>.

### Валаам

Острову Валаам с его обителями было посвящено несколько статей на протяжении 20 лет. Главным образом, они предназначались для паломников, а потому содержали подробное описание того, как добраться, кто встречает, какие правила проживания, достопримечательности (скиты и могила мифического короля Магнуса), места поклонения.

Первым из журналистов «Нивы» туда отправился П. Гнедич и описал увиденное в 1878 году. Вначале из разговоров на пароходе: «Природа там грандиозная. — сообщает один из пассажиров. Это самая дикая Финляндия в самых мрачных проявлениях. Гранит, покрытый тонким слоем земли и травы, и громадный лиственный и хвойный лес». И далее весь очерк строится на сопоставлении дикой природы и творений рук человеческих. К творениям рук относятся не только монастырские постройки, причалы, дороги, мосты между островами, гончарный, кирпичный и смолокурный заводы, но также и сама «новая» природа. «Говорят, что иноки разводят и кедры, и лиственницы, и каштаны, и пихты: у них в саду и в оранжереях растут превосходные арбузы, дыни, тыквы...»<sup>16</sup>

Автор очерка, опубликованного в 1899 году, дополнял: «Богатейшие леса строго охраняются и расходуются с редкою экономностью. Стволы идут на постройку; на топку же употребляются только пни. Даже корни не пропадают даром, их вырывают и го-

<sup>14</sup> Г. Т. Северцев. Проснулась женщина. Нива, 1907, № 22.

<sup>15</sup> Текст к рисунку С. Егорнова «Финляндия». Нива, 1910, № 9.

<sup>16</sup> П. П. Гнедич. Валаам. Путевые впечатления. Нива, 1878, № 30.

нят из них смолу. Кроме смолы, выгоняется трудами иноков скипидар и уголь для домашнего употребления. По своей чистоте Валаамский скипидар пользуется даже известностью. Гонка смолы — одна из самых грязных работ, и поэтому почти каждого монаха на первых порах, для знакомства с иноческим трудом, отправляют на смолеводный завод. Что касается леса, то интересно, что на Валааме берегут не только его, но и все, что в нем водится. Всякое зверье — олени, зайцы — и птицы свободно бродят и порхают, и даже не убегают от человека, уверенные в своей неприкосновенности»<sup>17</sup>.

В день праздника Всех Святых (восьмая неделя по Пасхе) в одноименном ските собиралось множество паломников на крестный ход. Паломники из Петербурга — это старушки, мелкие купцы, мещане, отставные унтер-офицеры. Гнедич отмечал, что вокруг слышна и финская речь, потому что большинство богомольцев, пришедших на крестный ход, — финны, приплывшие сюда на соймах (понятно, что Гнедич, скорее всего, не делал различия между финнами и карелами: для него все были финны). «Для них Валаамский монастырь — великое дело; плохо зная по-русски, они исповедают нашу веру: им выгодно ее исповедывать. Они знают, что монастырь, скорее, чем кто-нибудь, поддержит их в лихое время. В глухую осеннюю погоду с опасностью для жизни, пробираются они сюда, чтобы пожить неделю-другую на счет монастыря, исполнить кое-какие работы. В случае болезни их будут бесплатно лечить в монастыре и с собой отпустят лекарства. На дорогу дадут и сапог, и белья, и платья; дадут хлеба, сена, овса, — даже денег в крайнем случае»<sup>18</sup>.

### **Парк Монрепо и Выборг**

Именно в такой последовательности, согласно их значимости в глазах туристов. Выборг поначалу — лишь железнодорожная станция и транзит для тех, кто едет дальше за впечатлениями.

Как пишет автор «Нивы» в номере за 1874 год, прежде Выборг был известен жителям Петербурга, в первую очередь... кренделями. Но в описываемое время нарастает число туристов. И тех, кто едет через Выборг на Иматру, и тех, кто под Выборгом снимает дачу на лето. В былые времена это был второй по значимости город старой Финляндии, сейчас же — простой губернский город с шеститысячным населением. Правда, здесь есть все удобства для жизни: мощеные улицы, освещаемые газом, каменные дома. В домах — книжные лавки и магазины, школы и отели. В городе можно осмотреть издали старую крепость и погулять в трех садах: городском, Promenade и Мон герос барона Николаи.

Автор статьи очень советует прогуляться по Монрепо: «Дорога к нему ведет через Выборгский форштадт, застроенный красивыми, утопающими в зелени дачами, и через полчаса езды вы уже подъезжаете к саду. Едва ли есть другой сад оригинальнее и живописнее Мон герос. К нему почти даже не идет название сада или парка в общепринятом значении этих слов. Это в миниатюре вся Финляндия со всей ее дикой природой и самобытной народной поэзией. Нельзя было придумать лучшего места для статуи Вейнемейнена, бога поэзии, первого языческого бога Финляндии, как поставив ее в этом необыкновенном саду, среди мрачных скал и угрюмых сосен с неподвижным зеркалом вод извилистого залива внизу. Никакое описание не передаст прелести Мон герос, где природа и искусство соединились вместе, чтобы на каждом шагу поражать вас новыми неожиданными красотами. Надо видеть его собственными глазами,

<sup>17</sup> Валаамский монастырь. Нива, 1899, № 39.

<sup>18</sup> П. П. Гнедич. Валаам. Путевые впечатления. Нива, 1878, № 30.

и Выборг много обязан этому очаровательному месту приливом посетителей в летнее время, приезжающих сюда нарочно, чтобы посмотреть Мон герос»<sup>19</sup>.

Спустя шесть лет «Нива» снова вспомнила о Монрепо, и корреспондент дал точные указания, как туда попасть. «Петербургскому жителю достаточно одного дня, чтобы съездить в Выборг и погулять в этом замечательном саду. Вы садитесь в 9 утра в вагон Финляндской железной дороги и в 1 часу дня подъезжаете к Выборгу. После завтрака в самом воксале, вы берете извозчика и едете в Монрепо, минуя громадную руину древнего шведского замка и живописные скалы с так называемым Променадом. От старых крепостных валов через небольшое поле и сосновый лес, усеянный валунами, вы приезжаете к воротам сада. На прогулку можно употребить часа три, а затем вы едете в Бельведер, прекрасную гостиницу, на городской Эспланаде, и с вечерним поездом в 11 часов возвращаетесь в Петербург»<sup>20</sup>.

«Монрепо смело можно назвать миниатюрным изображением Финляндии со всеми ее своеобразными красотами. Он дик и живописен, как природа этой характерной страны, оригинален, как ее народная поэзия». Описание сада повторяло клише про камни, лабиринты скал, черные ели и усеянное валунами море. А вот новым было введение в лексикон имени «финского мифического бога поэзии Вейнемейнена». Так читатели «Нивы» подошли к знакомству с эпосом «Калевала».

«Несколько веков хранился он в народной памяти в виде отдельных песен, и только в нашем столетии песни эти, записанные с голоса простых поселян в разных частях Финляндии, были собраны, приведены в порядок, и из них составила́ся целая обширная поэма, известная теперь под названием „Калевалы“. Тут в живых образах представляется борьба зла и добра и торжество света над тьмою». Автор достаточно подробно излагает содержание «Калевалы», давая и общепринятую на то время трактовку ее смысла — победы христианства над язычеством. «В последнем эпизоде Вейнемейнен встречает молодую пастушку, деву Мариэтту, с прекрасным младенцем на руках. Тяжелое предчувствие поражает финского бога, и он громко требует смерти малютки. Тогда Младенец говорит ему: молчи старый корельский чародей; ты изрекаешь приговор самому себе! После сего Божественное Дитя становится царем лесов и плодоносных полей, а старый Вейнемейнен делает себе железную лодку и отплывает в далекие страны, оставя в Финляндии свою кантелу»<sup>21</sup>.

## ГОРОДА

Если петербуржец хотел заехать подальше, за Выборг, то он открывал для себя большие города и маленькие городки, которые одновременно могли быть и курортами. В повести Г. Т. Полилова «Уплыла» (Нива, 1907, № 29) главный персонаж путешествовал на пароходе в Або. Город поразил его сочетанием первозданной природы и творениями рук человеческих. Судостроительные заводы и лесопилки соседствовали с лесами и каменными скатами берегов Аурайоки. А в 15 километрах находился Нодендаль — курортный городок с морскими купаниями.

«Устроившись в отеле, Барсуков отправился бродить по городку, желая с ним ознакомиться. Чистенькие улицы очень ему понравились; в полчаса он обошел весь городок и направился в пустынный теперь еще парк, проходя мимо зданий курортного вокзала, ванн, концертной и гимнастической зал, откуда доносился звук молотка, шуршанье рубанка; там шел деятельный ремонт. Древняя кирка мирно дремала под вы-

<sup>19</sup> Выборг. Нива, 1874, № 32. С. 498.

<sup>20</sup> А. Милюков. Сад Монрепо под Выборгом. Нива, 1880, № 3.

<sup>21</sup> А. Милюков. Вейнемейнен. Нива, 1880, № 5.

глянувшими из-за туч ласковыми лучами солнца; ей снились сны о славном прошлом. Барсуков обошел вокруг нее, с любопытством осмотрел ее низенькие деревянные двери, прочно сколоченные из толстых сосновых досок. Высокое здание церкви стоит на страже городка уже много лет, подавляя его своей величиною и высотой. По небольшому фьорду, расстилавшемуся перед Нодендалем, пробегала мелкая зыбь, дальние островки чернели на поверхности моря пятнами различной величины. [...]

В городок начали съезжаться его обыденные летние гости, к началу июня все свободные помещения были заняты, гостиница Суозио переполнена. Открылся курзал, потянулся дымок из труб здания ванн; на Meri salonki (морской террасе) /Мерисалонка/ зазвенели рюмки, стаканы, забелели на столиках салфетки, раздуваемые ласковым бризом. Терраса стала центральным местом всего курорта. Большинство приезжих составляли финляндцы и шведы из других городов, но были и русские. В маленьком парке, закутавшемся в густую зелень, раздавались мелодичные звуки небольшого оркестрика, настойчиво исполнявшего за малыми исключениями музыку северных композиторов: Свенсена, Грига, Каянуса. [...] Вообще же жизнь в маленьком курорте текла в строго размеренном темпе, безмятежном покое, нарушаемом изредка различными празднествами, из которых больше всего интересовались состязаниями в плавании, тем более, что на них являлись заезжие знаменитости этого здорового спорта»<sup>22</sup>.

Бесхитрое повествование петербургского обывателя не блистало глубиной анализа. Он просто фиксировал увиденное, и, как явствует из повести, оно ему нравилось. Наверное, еще и потому, что напоминало привычные картины сестрорецкого курорта или летних Терийок. В любой чужой стране человек стремится найти знакомое ему и, уже оказавшись на этой «твердой почве», исследовать чужую жизнь, сравнивать, принимать или не принимать.

Первое журнальное упоминание Хельсинки (тогда Гельсингфорса) относится к 1876 году, оно было помещено в журнале «Всемирная иллюстрация» (мы сочли возможным поместить его для понимания того, каким город предстал перед глазами путешественников в 1870-е годы) и связано с визитом императора Александра II. Автор статьи дает историю основания города и не скупится на эпитеты, описывая его красивое местоположение и регулярную планировку. «По красоте местоположения Гельсингфорс можно назвать великолепным. Он лежит на крутом холмистом полуострове, который несколькими мысами врывается в залив. Кто, посетив главный город Финляндского княжества, пожелает вполне насладиться грандиозной картиною необъятных вод и могучей растительности, тому мы посоветуем отправиться на гранитную набережную Эспланадской площади. Отсюда открывается роскошная панорама залива. Многочисленные острова в беспорядке раскинутые, как нельзя более живописны. Их гористая поверхность покрывается густым лесом и зеленеющими лугами, или же представляет величественные глыбы гранита, громоздящиеся в вышину. По водному пространству между городом и островами скользят там и тут купеческие корабли. [...] При первом взгляде на Гельсингфорс всякому бросается в глаза необыкновенная правильность его постройки; в этом отношении он оставляет за собой даже такие правильно выстроенные города, как Петербург и Берлин. Замечательно прямые улицы дают возможность путешественнику, незнакомому с городом, освоиться с ним в несколько часов»<sup>23</sup>.

Далее автор описывает достопримечательности: Сенатскую площадь со зданиями Сената и собора Св. Николая; университет, обсерваторию, ботанический сад, естественно-исторический музей, шведский театр в конце Эспланады, вокзал, русскую цер-

<sup>22</sup> Г. Т. Полилов. Уплыла. Нива, 1907, № 29.

<sup>23</sup> В. И. Город Гельсингфорс. Всемирная иллюстрация, 1876, № 396.

ковь. Гельсингфорс, бывший экзотикой для русского обывателя (впрочем, как и все Великое княжество Финляндское в те годы), становится ближе и понятнее. Это — европейский город, даже более правильный по планировке, чем Петербург со всеми зданиями, полагающимися столице.

В 1872 году «Нива» поместила рассказ военного моряка, который бывал в Койвисто, а потому мог дать детальную картину этой деревни и быта ее жителей. «Койвисто — одна из достаточных деревень в Финляндии; в ней чухонская кирка, при кирке — кладбище, три лавочки, почтовая станция, не похожая на наши станции на Руси, отличающаяся необыкновенной чистотою и вежливостью смотрителей в отношении к проезжающим. [...] Костюм чухонца в Койвисто общий чухонский, т. е. женщины носят красный или белый с красными расшивами сарафан и красную кичку, покрытую или повитую сверху белым платком; мужчины — синие синелевые брюки или пиджаки, более зажиточные — серые бумажные или черные суконные; сапоги иногда заменяются башмаками или полусапожками. [...] Деревня Койвисто лежит на горе, из которой ближе к берегу бьет родник, дающий великолепную воду [...] Еще при входе в пролив ваше внимание невольно обращается на выделяющуюся из зелени довольно высокую колокольню и церковь, крытую гонтом, равно, как и большая часть селения, и от времени принявшие серый цвет, и на стоящую на мысу лоцвахту (лоцманская станция). Подъезжая ближе к Койвисту открывается красный домик и парк ландсмана, а еще ближе серый небольшой домик с красной крышей и с шестом на павильоне в день именин своего владельца украшающимся большим треугольным флагом — это баня здешнего зажиточного помещика; за ней виден и самый дом владельца — красный с мезонином, а вправо и влево по обеим сторонам почтового тракта разбросана деревня. Вправо же и несколько вниз дома кистера и пастора, окруженные великолепными березовыми рощами и лугами с высокой, чуть не по колено сочной травой...»<sup>24</sup>

Занятия жителей — скотоводство, посадка картофеля и, самое главное, рыбная ловля сетями и острогой (ловят салаку, шук и сигов). Автор, как и прочие в это время, пытается и найти похожее, и отметить разницу в обычаях и поведении людей (чистота, честность; их извозчики ездят не так, как русские извозчики; жители не так танцуют и не едят грибов).

Еще четыре города, о которых рассказывает «Нива», — это Вильманstrand (Лаппеенранта), Таммерфорс (Тампере), Ловиза (Ловийса) и Тавастгус (Хямеэнлинна). В 1877 году была помещена небольшая статья о развалинах замка Расеборг с цитатой из Топелиуса (Нива, 1877, № 458). Собор в Або (Турку) и церковь в Рантамяки удостоились лишь фотографий.

В Вильманстранде около 2000 жителей (на 1885 год). И снова в очерке слова о красоте и чистоте: «...он расположен у озера, окаймленного лесом, с десятком маленьких островков, которые как будто брошены нарочно или посеяны какой-то исполинскою рукою, наворотившей кругом эти холмы и камни, эти скалы, точно щетиной покрытые остроконечными елями. Улицы, с их маленькими деревянными домиками и заборами, то взбегают на холм, то спускаются с него, то вдруг куда-то пропадают. С каждого холма, с каждой точки открывается новый вид; на озере катаются маленькие лодки и ялики, дымятся большие пароходы. На двух противоположных концах города, вблизи озера, возвышается башня лютеранской церкви (около нее была и триумфальная арка), и главы православного храма, а дальше за озером станция железной дороги, поле, лес и у опушки его, на холмах, палатки лагерных войск. Старый небольшой городок, весь деревянный, но чистенький, хорошенький с небольшим вокзалом

<sup>24</sup> Койвисто. Нива, 1873, № 16.

минеральных вод»<sup>25</sup>. Очерк, иллюстрированный рисунком, был написан после визита туда императора Александра III.

Таммерфорс в очерке, посвященном ему, называют «финляндским Манчестером», и как полагается промышленному городу, здесь и население в разы больше — 15 000 на 1888 год. «Город расположен близ озера Несиярви на берегу горного потока, спускающегося стремнинами и водопадами, и воды этой быстрой речки приводят в движение колеса многочисленных заводов, ткацких, обойных и других фабрик»<sup>26</sup>. Как отмечает автор, все эти фабрики не мешают путешественникам любоваться живописными пейзажами и одним их красивейших озер Финляндии.

Небольшой, как и Вильманstrand в те годы, всего с 3000 жителей, приморский городок Ловиза описывается в журнальной заметке скорее как промышленный, хотя и находящийся в живописной местности у моря. Правда, порт уже не работает, потому что море отступило, и суда останавливаются в пяти милях от города. Но здесь строят купеческие корабли, торгуют железом и лесом, и одновременно с этим процветает контрабанда спиртом. Рисунок представляет вид Ловизы с киркой на холме и стадом коров в предместье<sup>27</sup>.

Тавастгус после пожара 1831 года был отстроен заново. На 1889 год там было 4000 населения, и, как «полагалось» всем небольшим финским городам, он находился в живописной местности у озера. Близость к Гельсингфорсу придала городу некоторые черты, свойственные большим городам: суетность, деловитость, спешку. Но в то же время, как отмечает автор заметки в «Ниве», остались неизменными «чудная природа, роскошная зелень и целебный запах обширных хвойных лесов»<sup>28</sup>. А стараниями губернатора Ребиндера вблизи города был разбит «прелестнейший парк».

Выводы из прочитанного горожанин или сельский житель (учитель, чиновник, военный) делал сам, оглядываясь вокруг себя и сравнивая. И даже разделив восторги журналистов «Нивы» на десять, качество жизни в глубинке России явно было не в пользу последней.

## ЛЮДИ

«Нива», печатавшая на своих страницах цикл о народах России, так писала о финнах: «Они вообще сильного телосложения, с полным длинным лицом, среднего роста, с жидкой бородою, белокурыми волосами, желтовато-коричневого или красноватого оттенка, выдающимися скулами, смуглым цветом лица, грязноватого оттенка, угрюмого вида, с грубым голосом и медленной речью. Они честны, добродушны, храбры, приучены к холоду и нужде, молчаливы и флегматичны. Финляндское упрямство вошло у шведов в поговорку. [...] Крестьяне трудолюбивы и довольствуются плохой пищей. Нравы довольно чисты, уважение к чужой собственности составляет главную черту в национальном характере финнов. Темную сторону этого характера составляет пьянство и лень. Северных финнов упрекают в хитрости — и они слывят у южных, которые их боятся, большими колдунами (в средних веках имя финн было равнозначительно имени волшебник»<sup>29</sup>.

Далее автор статьи рассказывал о том, что непременной принадлежностью финского дома является баня, что их язык «чрезвычайно благозвучен», «прост и мужествен,

<sup>25</sup> Город Вильманstrand. Нива, 1885, № 35.

<sup>26</sup> Таммерфорс. Нива, 1888, № 22.

<sup>27</sup> Город Ловиза. Нива, 1884, № 41.

<sup>28</sup> Город Тавастгус. Финляндия. Нива, 1889, № 7.

<sup>29</sup> Народы России. IV. Финны. Нива, 1871, № 52.



и при этом богат и в высшей степени гибок», что вполне соответствует наклонности финнов к поэзии. Статья была иллюстрирована рисунком мужчины и женщины в национальной одежде. Со временем некоторые оценки, к примеру касающиеся пьянства и лени, подвергались сомнению и исчезали, а от описания внешности и мифического «национального характера» авторы статей переходили к более глубоким выводам, связанным, в том числе с личными наблюдениями, а не с устоявшимися клише. В обзорной статье 1886 года о Финляндии говорится о «порядочности и строгой правильности жизни» как чертах всего финского народа. Под «строгой правильностью жизни» подразумевалась честность и вежливость (без подобострастия). Отмечалась простота жизни даже состоятельных жителей в столице, которые не ездят в каретах, но в простых экипажах или зимой в санках.

Интересны описания финнов в литературных произведениях. Поначалу они поверхностны и повторяют сформированные штампы. Но с каждым годом и десятилетием чувствуется все большая симпатия к описываемым героям: за простой внешностью автор видел незаурядную личность. «В этот момент мимо нас проходил господин средних лет, типичный образчик финляндского гражданина. Плотный, загорелый, точно вырубленный топором из дубового корня, с маленькими голубыми глазками, от которых лучилась сеть добродушных морщинок. Борода его грязно-бурого цвета, чуть-чуть начавшая сесть, росла, конечно, не там, где она растет у других людей, а вылезала из шеи, оттеняя точно веером, крепкие челюсти. [...] А я Тиканен, Петр Тиканен. Торгую раской и расильную фабрику имею. Тиканен, — и он всем нам протягивал свою вытянутую дощечкой ладонь. — Тиканен, — это моя фамилия. Моего отца звали тоже Тиканен. А самое лово Тиканен, это лово носит такая тичка, маленькая тичка.

— Ничего не понимаю, — бормотал Кас.

— Да что тут понимать, — вмешалась Полина Мартыновна, которой финляндец сразу ужасно понравился. — Господин Тиканен — фабрикант красок, а самое слово Тиканен значит маленькая птичка. Не хотите ли присесть к нам, господин Тиканен? Можно вам предложить кофе?»<sup>30</sup>

Или вот описание учительницы Ильты, которая учит детей в небольшой сельской школе: «Ее кругловатое чисто-финское лицо, с выдающимися скулами, признаком тюркской расы, было некрасиво. Широкий нос, довольно большой рот, крупные руки и ноги не говорили о породе. Темные, скорее даже черные волосы, сравнительно редкие в этой стране, ровно разделенные пробором, спереди плотно причесанные, спускались по спине двумя длинными косами. Девушку скрашивали только здоровый, бледно-розоватый цвет лица и глубоко сидящие темно-карие глаза. В них таилась мысль, нравственная сила недюжинного существа»<sup>31</sup>.

### **Женская эмансипация. Народное образование. Школы и университет.**

Система народного образования в Финляндии на страницах российских журналов выглядела едва ли не идеально — такой, какой она и должна быть, чтобы воспитывать не только образованных людей, но и патриотов своей страны. И здесь многое зависело от роли женщины в обществе, то есть рука об руку шли женская эмансипация, качество и уровень образования в стране. «Нива» и «Всемирная иллюстрация» в этом вопросе были солидарны.

<sup>30</sup> А. Хирьяков. Под чужим знаменем. Нива, 1908, № 30.

<sup>31</sup> Г. Т. Северцев. Проснулась женщина. Нива, 1907, № 22.

Уже в 1870-е годы автор одной из статей сетовал на то, что Россия отстает от маленькой Финляндии, где дело школьного образования собираются поставить во главу угла по рекомендациям общественного деятеля г. Гриппенберга. «Мать семейства представляется ближайшей руководительницей физического и духовного развития детей; она должна возбуждать и развивать первоначальные их понятия и давать направленные склонности ребенка к известного рода деятельности... Для того, чтобы быть в состоянии исполнить добросовестно все эти обязанности, мать должна получить несравненно лучшее образование, чем то, которое дают наши школы. Затем г. Гриппенберг предложил устроить при существующих женских школах высший класс, с тем, чтобы в него допускались и женщины замужние. Преподавать в этом классе следует антропологию, психологию и литературу шведскую и финскую, кроме того должны читаться лекции об уходе за детьми, о детских болезнях и способах их лечения, и об основах общего воспитания. Для женщин, обнаруживших замечательные способности в живописи и музыке, должны быть открыты курсы изящных искусств»<sup>32</sup>.

Одновременно с этим проектом синодальным финляндским съездом в Борго был выработан проект об обязательном народном образовании. Согласно ему, в каждом приходе должна была быть учреждена школьная дирекция, состоящая из пастора и 4–6 прихожан. Дирекция разделяет приход на участки, решает вопрос о том, должна быть школа постоянной или передвижной, определяет число учителей и их содержание, представляет бюджет на содержание школ общинному совету для утверждения. Занятия предлагалось проводить с 15 января до конца мая и с 1 октября по 13 декабря. Обязательное обучение детей начинать с семилетнего возраста и включить чтение, письмо, счет и священную историю. Для тех детей, кто хочет продолжить образование, должна быть учреждена высшая начальная школа. «Было бы желательно, чтобы подобные учреждения возникли и у нас», — восклицает автор статьи. И с горечью продолжает, что пока это невозможно, потому что представители городского общества, избранные из купечества, сами являются людьми малообразованными и относящимися равнодушно к вопросам народного образования.

В Финляндии же процесс шел, и в 1894 году журналы уже говорят о женском образовании и участии женщин в общественной жизни как о деле практически свершенном, где всего один шаг до получения избирательных прав.

И имея такую информацию, читатель «Нивы» уже не удивлялся тому, какой путь может пройти простая девушка из рассказа Г. Т. Северцева «Проснулась женщина». В рассказе вновь встречаются клише о жизни в «девственной природе», сотнях «непуганых белок» и медведях, приходящих прямо к человеческому жилью. Но характеры описаны живо и ярко, рассказ читается с интересом даже сейчас, а 120 лет назад он вполне мог вдохновить русскую гимназистку на выбор своего жизненного пути.

Учительница Ильта Кервонен из этого рассказа, окончив учительскую семинарию, преподает в сельской школе, затем продолжает образование в университете, возвращается в деревню доктором философии, а затем идет в политику, став активисткой и борцом за права женщин. Своим примером она будет побуждать молодых женщин и мужчин получать образование и просвещать людей в самых глухих уголках своей страны. «Ильта, дочь простого крестьянина, была из другой части Финляндии. Она провела свое детство среди густых, ароматных лесов финской Карелии, на берегу чистых, как хрусталь, озер, отражающих на своей зеркальной поверхности вековые ели и сосны. Глушь, но глушь мирной пустыни, среди дикой, чуть ли не девственной природы, где появление постороннего составляет целое событие [...] Суровая зима, беспросветные ночи отчуждали надолго эти поселки от остального мира; иной год восемь месяцев только

<sup>32</sup> Всемирная иллюстрация, 1877, № 425.

встречаются знакомые лица сельчан да старого пастора Лаакса. Но отцовский дом прочно срублен из толстой рудовой сосны, хорошо сложена и промазана жирной глиной печь, не одолеет мороз, не застудит живущих в доме».

Став учительницей, она приобрела любовь своих учеников не только тем, что умела научить, но и тем, что могла их заинтересовать, была и наставницей, и другом, никогда не сердилась и не бранила своих учеников. Вот как описывает обычный школьный день автор рассказа: «За дверью классной комнаты слабо задребезжал старый колокольчик. Урок окончился, но тем не менее, все эти детские головки с белыми, точно северный лен волосами, внимательно слушали говорившую учительницу.

— Итак, дети, помните, что я рассказывала вам, а главное — любите нашу родину, эту каменистую, суровую, а вместе с тем дорогую нам страну. После мы споем ей наш привет, а теперь займемся гимнастикой! — спокойно-уверенным тоном сказала учительница, высокого роста худощавая брюнетка, одетая в черное холстинковое платье и дешевые простые ботинки. [...] Детвора была рада после двухчасовых занятий в комнате вырваться на воздух. Как сорвавшаяся стая воробьев, кое-как накинув на себя пальтишки, куртки, шапки, выскочили они на просторный школьный двор и, точно дисциплинированное войско, выстроились у гимнастических приборов. Девочки стояли рядом с мальчиками, — в Финляндии оба пола учатся вместе, — маленькие ростом впереди высоких. Ильта Кервонен не заставила себя ждать. Несмотря на холодный октябрь, она надела сверху только легкую вязаную шерстяную кофточку, а на голову такой же берет.

— Если кто из вас, дети, чувствует себя нездоровым или кому холодно, тот может не заниматься сегодня гимнастикой и идти обратно в класс! — заметила она собравшимся. Никто из детей не вышел из рядов, даже стоявшие впереди две малюсенькие девочки. Учительница стала перед детьми и начала показывать различные движения руками и ногами. Старшие по классу принесли особые, гладко оструганные палки, дети проделывали различные упражнения с ними. На видневшейся через школьную крышу колокольне кирки звучно пробило двенадцать ударов. Ильта сверила свои часики и кивнула головой детям. Этого было достаточно, чтобы они, с раскрасневшимися от холодного воздуха и упражнений лицами, весело гурьбой побежали обратно в школу. Старшие остались во дворе, чтобы убрать палки и подмести площадку.

Без дальнейших указаний детвора собралась возле небольшого фисгармониума, учительница села за него и начала играть патриотический гимн *Suomi Sang*<sup>33</sup>. Ровно в час школьное здание опустело, затих веселый детский говор, беззаботный смех, не слышно стало беготни, шуму, раздававшихся здесь с восьми часов утра»<sup>34</sup>.

Кто-то из учеников Ильты, получив начальное образование, мог продолжить его в лицее, а затем в университете. Вот одно из описаний Гельсингфорского университета.

«Гельсингфорский университет имеет для Финляндии громадное значение. В нем сосредоточено все умственное движение края. [...] При университете служит более 50 профессоров; ежегодное число учащихся простирается до 600 человек. Студенты пользуются в Финляндии не только любовью, но и уважением народным; большинство их — сыновья зажиточных крестьян, что, однако не мешает им играть видную роль в обществе. Они имеют свой дом для собраний, а также библиотеку. Последняя весьма богата. Она заключает в себе более 110 000 томов, и число их постоянно возрастает. Постройка здания, в котором помещается библиотека, начата еще в 1830 году, а окончена в 1852. Как дом, так и библиотека, основаны благодаря усилиям студентов, которые, с целью добыть необходимую сумму, объезжали свою страну, устраивая концерты. В студенче-

<sup>33</sup> «Maamme» Пацуса на слова Рунеберга.

<sup>34</sup> Т. Г. Северцев. Проснулась женщина. Нива, 1907, № 22.

ском доме часто даются балы, привлекающие много публики, для которой открыта и университетская библиотека»<sup>35</sup>.

И снова здесь, как и во многих других очерках и рассказах, подчеркивается роль человека, его выбора своей судьбы. Для России, в которой только 15 лет тому назад было отменено крепостное право, о таком можно было только мечтать. Финляндия снова как бы показывала русской интеллигенции, как можно идти вперед при взаимном уважении членов общества, соблюдения справедливых законов и имея перед собой цель процветания страны.

## КУЛЬТУРА

### Литература

Начало XX века ознаменовалось празднованием столетних юбилеев двух выдающихся деятелей литературы Финляндии: Элиаса Ленрота (1802—1884) и Иоганна Людвиг Рунеберга (1804—1877). А чуть ранее, в 1898 году, скончался в возрасте 80 лет Сакариас Топелиус (1818—1898). «Нива» откликнулась на эти три события большими очерками, в которых описывался вклад этих писателей в мировую культуру. К очеркам прилагались гравированные портреты.

«27 марта т. г. Финляндия празднует столетие со дня рождения одного из величайших своих сынов — Элиаса Ленрота, открывшего финскую народную поэзию и создавшего финский литературный язык. В настоящее время благодарные финляндцы воздвигают в Гельсингфорсе роскошный памятник своему знаменитому соотечественнику [...] Ленрот имел предшественников по собиранию народной поэзии, но ему одному удалось сделать эпоху в истории финской литературы и финского языка: он заметил связь между отдельными эпическими сказаниями и восстановил финский народный эпос, названный им: „Калевала“. Отмечалось, что наряду с «Калевалой» он написал сборник лирических песен «Кантелетар», собрал и издал «Поговорки финского народа», «Загадки финского народа» и «Древние финские заклинания». В течение 10 лет с 1853-го по 1862 год Ленрот занимал в Гельсингфорсском университете кафедру финской литературы и финского языка. Кроме того, он издавал две народные газеты, был душой основанного в 1831 году Финского литературного общества, а в 1869 году поступил членом в комитет для составления финского молитвенника. «Смерть Ленрота 7 марта 1884 года вызвала национальную скорбь во всей Финляндии; его похороны в родной капелле Самматти, равно как и празднование его 80-летнего юбилея в 1882 году и, наконец, предстоящее празднование столетия со дня его рождения носили носят национальный характер, так как в них принимал и принимает участие весь финский народ»<sup>36</sup>.

Через два года «Нива» сообщает о торжествах, связанных со 100-летием со дня рождения Рунеберга. Журналист пишет: «Отличительной чертой поэзии Рунеберга является горячая любовь к отчизне — любовь, чуждая и намека на фанатизм и нетерпимость. Никто так не воспел суровой природы Финляндии и жизни ее трудолюбивого населения, никто не воплотил в столь художественные формы дух финского народа, как Рунеберг. Поэтому он, бесспорно, занимает в финляндской литературе первое место и принадлежит к числу самых выдающихся шведских поэтов. [...] Из крупных произведений, изображающих финскую жизнь, „Рассказы прапорщика Столя“ справедливо считаются критиками самым лучшим; в них отразилось неизгладимое впечатление, оставленное в поэте русско-шведской войной 1808—1809 годов, происходившей

<sup>35</sup> Всемирная иллюстрация, 1876, № 397.

<sup>36</sup> Элиас Ленрот. Нива, 1902, № 12.

в его раннем детстве. Вступительная песня „Наш край“ сделалась национальной, которая поется в Финляндии во всех торжественных случаях». Автор статьи вспоминает также о других произведениях Рунеберга с сюжетами из финской жизни («Стрелки лосей», «Ханна», «Вечер на Рождество») и о том, что филолог и профессор Александровского/Aleksanteri и Санкт-Петербургского университетов Яков Грот (1812—1893) был личным другом Рунеберга, делал переводы его стихотворений и ставил «Стрелков лосей» наравне с «Калевалой» для понимания характера народа. Журналист «Нивы» напоминает, что за несколько недель до своей смерти Рунеберг был избран в почетные члены Российской академии наук (до него этого удостоивались лишь два поэта: Галлер и Гёте). А после смерти Рунеберга «благодарный финский народ воздвиг в Гельсингфорсе роскошный памятник своему любимому поэту, его дом хранится в г. Борго, как национальная святыня, а день рождения Рунеберга — национальный праздник»<sup>37</sup>.

Сакариас Топелиус был менее известен российской публике, чем Ленрот и Рунеберг. И автор статьи, а скорее, пространного некролога рассказывает читателям о вкладе этого поэта в мировую культуру. Он пишет, что, к сожалению, на русский язык были переведены лишь томик сказок Топелиуса и несколько его стихотворений, в то время как европейский читатель хорошо знает все его произведения.

Упомянув о том, что в течение десятилетий Топелиус преподавал историю Финляндии, северных стран и всеобщую, а также был ректором университета в Хельсинки, автор статьи заостряет внимание читателя на усилиях ректора Топелиуса по допущению к обучению в университете женщин. А его хрестоматия — «Книга о нашей стране» — была введена во всех народных школах Финляндии. «Отличительной чертой музыки Топелиуса является его сильная и вместе с тем симпатичная любовь к родине, — любовь, чуждая и намека на нетерпимость и фанатизм. В этом свойстве своей поэзии он сходен со своим современником и другом, другим известным шведским писателем — Рунебергом»<sup>38</sup>.

К столетию со дня рождения Ленрота было приурочено открытие нового театра в Гельсингфорсе, у железнодорожного вокзала. Автор статьи об этом событии напоминает, что на строительство было потрачено до 1½ миллиона марок — сумму, которую составили не только государственная субсидия и займы казны, но также пожертвования компаний и частных лиц. То есть строительство приобрело характер всенародного национального проекта. В статье упоминаются вряд ли хорошо знакомые русскому читателю имена писателей и драматургов, произведения которых ставились в театре. Это Алексис Киви с его пятиактной драмой из народной жизни «Портные из Нумми», Минна Кант с целым рядом драм, Казимир Лейно с исторической пьесой периода крестьянской «Дубинной» войны конца XVI века «Якко Илька и Класс Флемминг», а также переложения из «Калевалы» и событий финской истории<sup>39</sup>. Звездой театральной труппы была Ида Альберг.

В этом разделе, наверное, было бы уместно хотя бы вскользь упомянуть и об очень важном просветительском проекте издателя «Нивы» Адольфа Маркса — издании тринадцати сборников «Фьорды», которые выходили с 1909-го по 1913 год. В них печатались переводы произведений скандинавских (шведских, датских и норвежских) писателей и драматургов). Эти сборники открывали для российского читателя имена Ибсена, Стриндберга, Гамсуна, Бьёрнсона, Йонаса Ли и многих других. Вся эта информация была явно незнакома большей части подписчиков «Нивы» и сыграла роль

<sup>37</sup> Столетие Рунеберга. Нива, 1904, № 4.

<sup>38</sup> Захарий Топелиус. Нива, 1898, № 14.

<sup>39</sup> Открытие нового финского театра в Гельсингфорсе. Нива, 1902, № 16.

в создании положительного образа интеллектуальной жизни соседних северных стран, к которым духовно принадлежала и Финляндия.

### **Живопись**

Строительство в 1870 году Финляндской железной дороги способствовало появлению дачных поселений на значительных расстояниях от Петербурга, а также росту числа путешественников. Красоты финской природы не только описывались в очерках, но и запечатлевались художниками. На страницах «Нивы» практически все очерки о Финляндии иллюстрировались рисунками художников, сделанными с натуры (фотографии начали появляться лишь с 1890-х годов). Некоторые художники были вполне успешны и известны современникам и потомкам, участвовали в художественных выставках. Другие известны сейчас лишь специалистам, да и тогда они, несмотря на свой талант, не были на слуху.

К примеру, художник Николай Фокин (1869—1908). Он родился в Петербурге, рано потерял родителей и воспитывался в семье брата. После окончания Петришуле начал заниматься живописью в Обществе поощрения художеств, а откуда поступил в Академию художеств. В 1902 году за картину «Первый снег» получил звание художника и заграничную поездку. Как пишет «Нива» в статье-некрологе: «Почти единственным сюжетом его картин был снег. В некоторых картинах и этюдах под его кистью, краска перестает быть краской и совершается таинство перевоплощения. Если бы можно было собрать все его работы и, вникнув в них, оценить ту гигантскую работу изучения и передачи любимого им снега во все моменты дня и в разную пору зимы, сколько неожиданного наслаждения можно было бы испытать чуткому человеку. [...] Со времен великого пейзажиста Ф. Васильева вряд ли найдется другой художник, столько поработавший в громадной мастерской „под открытым небом“. [...] Его стремление передать момент в природе, впечатление — несомненно сближает его с импрессионистами; задачи Моне в его серии Руанских этюдов очень близки к тому, что искал Фокин...»<sup>40</sup>

Работа круглый день на холоде, в сырости; переезды в нетопленных вагонах привели его к болезни. «В 1904 г. художник Н. М. Фокин вернулся из Германии, где лечился от чахотки, в Россию. Затем он поселился в Финляндии, в Мустамяках, в пансионе г-жи Ланг, где для него была выстроена мастерская, которую он арендовал, — там он и скончался. Мастерская его, одиноко стоявшая на горюшке, откуда открывался бесконечный простор большого озера, как маяк, светила своим громадным окном среди сонной финляндской деревушки; когда все спало, там горел огонь в длинные осенние и зимние вечера и ночи, которые он проводил одиноко, шагая и думая. От весны до глубокой осени мимо тархтели финские тележки, развозившие с вокзала и на вокзал дачников, густо населяющих эти места. Этот необычный свет интересовал едущих, и финны-извозчики удовлетворяли любопытство их, рассказывая, что „здесь сивет адна руска худосник, которая писет расивые картины“». В Мустамяках он создал еще несколько картин, но болезнь взяла свое. Он завещал похоронить себя у мастерской, но разрешение получено не было, и гроб отвезли на Шуваловское кладбище под Петербургом.

Художник Егорнов был представлен в «Ниве» двумя произведениями — «Финляндия» и «Зимнее утро», выставившимися на осенней выставке в петербургском Пассаже. Первое охарактеризовали как «типичный пейзаж, хорошо знакомый всякому, кто посещал «страну тысячи озер» — каменистую и лесистую Финляндию. Огромные белесоватые валуны, на которых каким-то чудом растут огромный ели, светлая вода бесконечных озер и бледное небо — вся Финляндия пред нами в этой картине.

<sup>40</sup> Н. М. Фокин. Нива, 1909, № 17.

Не та Финляндия, которая в своих городах так походит на культурную и вылощенную Европу, но Финляндия лесов и гор, в которых как будто все еще звенит голос старого деда Вейнемейнена»<sup>41</sup>.

Гравированные изображения картин Владимира Николаевича Федоровича помещались в «Ниве» с 1910-го по 1914 год. В основном — зимние пейзажи, но только два из них точно «привязаны» к Финляндии. Это картина «В Финляндии» (Нива, 1913, № 32) и «На берегах Саймы» (Нива, 1914, № 27). Возможно, к финским впечатлениям относились и «На озере», «Раннею весною», «Река стынет» и «Крылечко под снегом». Картины Федоровича также участвовали в выставках, получали призы, а «Река стынет» экспонировалась в музее Императорской Академии художеств.

Г-жа М. Федорова отметилась в «Ниве» полотном «Финляндские скалы», возможно увиденных ею в Монрепо или на Валааме (Нива, 1910, № 32).

Имя еще одного художника, Пантелеймона Степановича Захарова (1875—1948), присутствует в статьях Интернета, но ничего не говорит простому любителю живописи. В «Ниве» он представлен заставками и иллюстрациями к рассказам, а также в отчетах о художественных выставках Петербурга. Некоторые пейзажи явно напоминают берег залива в Терийоках, где у его отца, лесопромышленника Степана Николаевича Захарова, было несколько участков с дачами в аренду и большая собственная, для проживания семьи, впоследствии получившая название Rajalinna. В 1910 году «Нива» опубликовала его работу с выставки рисунков и эстампов в Императорской Академии художеств «Морской берег». В Петербурге Пантелеймон Захаров входил в Товарищество независимых — выставочное объединение молодых художников, основанное в 1910 году. После 1917 года остался в Финляндии, и при его участии было создано Общество русских художников в Финляндии, в которое входили Илья Репин, Юрий Репин, Владимир Щепанский, Василий Леви, Николай Блинов и другие.

Рисунки Петра Гнедича и Николая Каразина иллюстрировали их собственные путевые заметки по Финляндии, о которых было рассказано выше.

Имена Альберта Бенуа, Архипа Куинджи, Ильи Репина, Валентина Серова не нуждались в представлении. Это были известные живописцы, академики Императорской Академии художеств.

Акварели Альберта Бенуа были представлены на ежегодных выставках Общества русских акварелистов, и «Нива» в своих репортажах (1910, 1913 и 1914) рассказывала об экспонатах этих выставок. Поездка на Иматру вдохновила Альберта Бенуа на серию работ: «Возле Иматры», «В парке Рауха близ Иматры», «Дорога в гостиницу „Каскад“ на Иматре», «Крестьянские постройки близ Иматры».

На ранней (1873) картине А. Куинджи «Финляндия» из Третьяковской галереи был изображен довольно унылый и однообразный пейзаж берега лесного озера или болота (Нива, 1914, № 2). Рука гравера здесь явно «убила» всю поэтику полотна, и вряд ли читатели «Нивы» смогли догадаться о цветовых разливах неба и серебряном свете надвигающейся грозы над островом Валаам.

Творчество Ильи Репина, представленное в «Ниве», — это прежде всего портреты писателей и актрис, написанные в «Пенатах»: Леонид Андреев, Максим Горький и Мария Андреева, Корней Чуковский. Номер 29 «Нивы» за 1914 год можно вообще назвать юбилейным, посвященным И. Е. Репину: большая статья о нем, ранние работы, портреты детей, фотографии «Пенат». В 1903 году было помещено гравированное изображение с картины Репина «Какой простор», где осенний ветер, штормовые волны Финского залива, каким он был в ста метрах от «Пенат», и фигуры молодых студента и курсистки символизируют надежду на прекрасное будущее в свободной России.

<sup>41</sup> «Финляндия». Худ. С. Егорнов. 1910, № 9.

Не обошла вниманием «Нива» и сына И. Е. Репина, Юрия Репина, поместив несколько его работ и сопроводив их теплыми словами о несомненном таланте молодого художника. Портрет жены с сыновьями был куплен в Третьяковскую галерею, а за картину «Великий вождь», посвященную Петру I, он получил денежную премию от Общества поощрения художеств.

У Валентина Серова также была дача, вернее, небольшой домик близ форта Ино. При его жизни «Нива» поместила на своих страницах его «Юных мечтателей» (сыновей, стоявших на террасе этой дачи), откомментировав так: «Опершись о балюстраду деревянной вышки на морском берегу, стоят два маленьких мальчугана и смотрят вдаль — туда, где синее бесконечный простор моря и ползет дымок парохода. Воображение у юных мечтателей работает с необыкновенной силой: оба они теперь вовсе не малые ребята в длинных кудряшках и коротеньких штанишках, но взрослые, даже старые моряки — седые „морские волки“. Один из них капитан корабля, другой — его помощник. И оба они стоят, опершись вовсе не на деревянные перила береговой вышки, но на поручни капитанского мостика. Они летят отыскивать новые страны — и, вот, после долгого пути, после напряженного ожидания — на горизонте, того и гляди, появится земля»<sup>42</sup>. И только в 1914 году, после смерти художника, были показаны некоторые другие его работы, в том числе написанные в Финляндии: «Волы», «Ели», «Сенцы», портреты Ильи Репина и Леонида Андреева.

Известный живописец и репортажный художник, баталист Иван Владимиров, у которого была дача в Келломяках по Финляндской железной дороге, часто использовал мотивы, его окружавшие, в своих рисунках. Это и типично северные пейзажи, и такие детали, как косые заборчики по дорогам, сосны, вгрызающиеся корнями в дюны. В «Ниве» были помещены работы Владимирова: «Весной», «На маневрах в Финляндии», «В финских шхерах», «Стрельба в цель».

«Нива» рассказывала и о финляндских художниках, которые работали в России или экспонировали свои работы на петербургских выставках.

Первым и неоспоримо великим был, конечно, Альберт Эдельфельт, действительный член Российской Императорской Академии художеств с 1895 года. Он единственным из финляндских художников смог добиться признания при русском императорском дворе. В начале 1880-х он работал над портретами детей великого князя Владимира, затем получил заказ на несколько жанровых картин от императора Александра III и портреты его детей Ксении и Михаила. Спустя 15 лет Эдельфельт участвовал в создании коронационного альбома императора Николая II и написал несколько его портретов<sup>43</sup>.

«Нива» во многих своих номерах с 1884-го по 1905 год знакомила читателей с творчеством этого художника. На страницы журнала были помещены его картины «Моя бабушка в 1804 году», «Горе», «У церкви», «Прачки», «Похороны ребенка», «У скульптора», «Богослужение на морском берегу Финляндии», снабженные краткими описаниями сюжетов. Вот, к примеру, что было написано о последней: «...финское население, особенно на крайнем севере, редко и как бы затерялось в бесконечном пространстве. Как же быть, чтобы пастырь мог вместе с паствою воздавать должное Богу? Картина талантливого финского художника А. Эдельфельта „Богослужение на морском

<sup>42</sup> Юные мечтатели. Худ. В. Серов. Нива, 1901, № 11.

<sup>43</sup> В ноябре 2019 — январе 2020 состоялась выставка «Альберт Эдельфельт и Романовы» в музее Академии художеств в Санкт-Петербурге. Куратором выставки была Сани Контула-Вебб, директор Института Финляндии в Санкт-Петербурге. Тогда же был издан альбом «Альберт Эдельфельт и Романовы». СПб.: Ин-т Финляндии в Санкт-Петербурге, 2019.



берегу Финляндии“ указывает нам, как просто разрешается этот вопрос. Сам Господь Бог раскинул для молитвы верующих шатер, какого краше нет. Простой стол служит аналоем и проповеднической кафедрой. Но взгляните на лица молящихся, и вы убедитесь, что и при такой скромной обстановке, молитва может быть не менее усердна и умилительна, чем в самом великолепном храме» (Нива, 1900, № 28).

В 1896 году состоялась очередная выставка в Императорской Академии художеств, на которой Эдельфельт выставил около 20 картин, заслуживших следующие слова корреспондента «Нивы»: «Если бы почаще мы имели возможность любоваться здесь такими сильными художниками, как г. Эдельфельт, то это оказало бы, вне всякого сомнения, необыкновенно освежающее впечатление на наших художников и — как знать? — может бы сильно подвинуло нас вперед» (Нива, 1896, № 14).

В некрологе Эдельфельта было отмечено главное, что составляло едва ли не основную черту, характеризующую финляндского гражданина в глазах российских читателей, — любовь к родине. Какое бы место ни занимал человек в жизни, будь это простой рыбак, учительница сельской школы или знаменитый художник, главным было то, что его труд шел на прославление своей страны. «...Большую часть рабочего времени Эдельфельт все-таки посвящал своей родной Финляндии. Даже работая вдали от родины, он неустанно воспроизводил на полотне ее типы, пейзажи, ее былую и современную жизнь. Горячая любовь к родному краю бьет ключом в произведениях Эдельфельта и придает им яркость и удивительную целостность. В них чувствуется художник со строго определенной творческой деятельностью, занимающий исключительное место в ряду современных живописцев. Эдельфельт в более позднее время работал у себя на родине. Он сделал множество рисунков к истории Финляндии, иллюстрировал книги и расписывал стены актовой залы в Гельсингфорском университете. Смерть захватила его в полном расцвете таланта и в разгаре энергической плодотворной деятельности.

Для финляндского искусства Эдельфельт имеет колоссальное и пока даже исчерпывающее значение. До него Финляндия еще не дала ни одного европейски-известного имени, да и теперь, кроме Эдельфельта, трудно указать кого-либо из финских художников, хотя бы даже менее известного в Европе. Он поднял родное искусство на огромную высоту почти из небытия»<sup>44</sup>.

Имя Акселя Галлен-Каллелы почти не упоминалось в «Ниве; его причисляли к «модернистам», которые предали идеалы классической живописи. «Нива», резко отрицавшая в начале XX века новые течения в искусстве, поддерживала эту точку зрения либеральных консерваторов (правда, спустя десятилетие взгляды слегка смягчились, но было уже поздно: на пороге стояла русская революция). Единственная картина этого художника — «Первый урок» — под именем Аксель Галлен была помещена в № 6 за 1901 год. Описание картины, которая укладывалась в представления редакции «Нивы», какой должна быть национальная живопись, гласило: «Темно и уныло в бедной лачужке финского рыболова. Единственное окно ее занесло снегом. Но в ней мерцает ясный огонек первоначальной, самой ценной и нужной науки: старик-отец учит свою дочку читать. Она пристроилась у окна и разбирает по складам книгу, быть может, единственную в обиходе рыбака. Теперь, когда море — зимою — застыло, отец сидит целый день дома, и ему можно среди разных мелких домашних работ и починок посвятить часть своего свободного времени этим первым урокам. И пока девочка с трудом разбирается в рядах этих мелких букв и старательно связывает их одну за другой, вся уйдя в это трудное занятие, — отец строго и внимательно следит за нею, забывая по временам, ради нее, свою работу. Следит он за ее чтением и думает, что мало-пома-

<sup>44</sup> А. Эдельфельт. 1905, № 36.

лу выучится его дочь и писать и не будет темной и беспомощной дикаркой, но сумеет и прочесть книжку, и написать письмо. Побольше бы таких отцов и таких дочурок».

Многообещающей молодой финской художницей, картины которой попали на страницы «Нивы», считалась Ингрид Руин. Журнал откликнулся на выставку в Императорском обществе поощрения художеств в 1912 году, поместив статью о ней. В статье говорилось, что г-жа Руин — дочь профессора Гельсингфорсского университета. Первоначально она училась рисованию в художественной школе Финского общества художников, затем в Королевской датской академии художеств в Копенгагене, где ее учителем был известный художник Вигго Йогансен. Довершила свое художественное образование она уже в Париже, Дрездене и Риме. Именно тогда она показала свои работы Альберту Эдельфельту, почти перед самой его смертью, и тот рекомендовал ее в ученицы к знаменитому в те годы шведскому живописцу (а также графику, акварелисту, граверу, фотографу и скульптору, высокоцитимому в России) Андерсу Цорну. Цорн называл Ингрид Руин «завещанием Эдельфельта».

В статье, посвященной Руин, в качестве одной из положительных черт ее творчества, отмечалось, что, несмотря на прекрасное европейское образование, она не изменила своей национальной сути и продолжала писать картины из народной жизни.

«Школа, пройденная талантливой художницей у Цорна, естественно отразилась на ее творчестве. Излюбленные Цорном мотивы народной жизни можно считать характерными и для г-жи Руин. Склонность к портретной живописи и самая манера этой живописи, смелая и широкая, тоже напоминают о шведском художнике. Но повторяем, Ингрид Руин внесла в свое творчество свои национальные черты: картины народного жанра подчёрпнуты ее из родной Финляндии. Изображаемые ею типы носят также типично финские черты. В этом отношении Ингрид Руин несомненно национальная художница — дитя своей страны и своего народа.

Выставка ее произведений, имевшая место в залах Императорского общества поощрения художеств, прошла с крупным успехом. Картины Ингрид Руин были замечены художественной критикой и публикой, и наша пресса в свое время уделила ей много лестного внимания.

Воспроизводимые на страницах нашего журнала картины Ингрид Руин: „Финская крестьянка из Эстерботтена в национальном костюме“, „На берегу“, „Этюд“, „Она прислушалась“, „В коровьем хлеву“ и „Автопортрет“ художницы дают представление о своеобразном и ярком таланте ученицы Цорна. Они знакомят нас и с прекрасной техникой г-жи Руин, и с оригинальной свежестью ее сюжетов»<sup>45</sup>.

В том же номере «Нивы» была помещена фотография в мастерской скульптора В. О. Фредмана-Клюзея, который лепил ногу балерины Анны Павловой, а Ингрид Руин одновременно писала ее портрет.

Интересна трансформация взглядов на так называемое «новое искусство» на протяжении 10–15 лет. Исходные представления состояли в том, что национальное искусство (живопись, скульптура) не только создаются национальными художниками, но и изображают сюжеты из жизни страны, ее пейзажи, героев и великих людей, воплощают ее национальный дух. Именно этот упрек — в отсутствии «национального духа» — был выдвинут критиком при обзоре в «Ниве» Скандинавской выставки 1898 года, состоявшейся в залах Общества поощрения художеств.

«Северная» художественно-промышленная выставка, проведенная в Стокгольме в мае–сентябре 1897 года Швецией и Норвегией, была приурочена к 25-летию правления короля Оскара II. На следующий год ее художественный раздел был привезен в Петербург и, как считает критик, потерпел полное фиаско. Неудача, по его мнению,

<sup>45</sup> Ингрид Руин. Нива, 1913, № 8.

не была связана с отсутствием интереса у петербургской публики к скандинавскому искусству (скандинавские писатели были в это время на пике популярности). Дело было в том, что художники поддались на так называемые «новые веяния», и их полотна были полны «импрессионизма», «мистицизма» и «символизма», полученные в процессе обучения у западноевропейских художников. Критика раздражал непонятный ему выбор красок для изображения, неестественные позы людей, совы, которые больше дерева или утеса. Этого не могло быть в реальной жизни, не говоря уже о том, что здесь не было «национального духа», несмотря на сов, утесы и ели. А главное — что отсутствовал старый, но вечно молодой «дух великих мастеров кисти, сознавших и воплотивших в своих блестящих произведениях непреложные законы художественного творчества» (Нива, 1897, № 47).

Почти одновременно с этой выставкой состоялась и выставка русских и финляндских художников в залах Училища барона Штиглица — знаменитая выставка Сергея Дягилева, постер к которой создал Константин Сомов. Эта выставка вызвала множество дискуссий и настоящий разгром от Стасова. Оценка критика «Нивы» была также резко отрицательной с повторением слов о нежизнеспособности и заурядности космополитизма с его декадентством и мистицизмом. И это несмотря на то, что Дягилев отбирал на свою выставку произведения, отмеченные именно «национальным духом» и «народными традициями». Но представления о народном и национальном у него и художников-академистов, к которым принадлежали и Стасов, и Репин, было различным (Нива, 1898, № 10).

Не все журналы (а с ними и читатели) разделяли подобную точку зрения. Приведем здесь для примера мнение критика журнала «Всемирная иллюстрация», журнала, который конкурировал с «Нивой», и позиция редакции была другой. Это видно и по рецензии на выставку русских и финляндских художников. Приведем ее часть, касающуюся финляндских мастеров: «Почти все финляндские художники в разных степенях и с различными индивидуальными особенностями, подобно гг. Врубелю, Ционглинскому, Серову, Боткину преследуют импрессионизм в своеобразном смещении с другими направлениями. Г. Лагерстам знакомит нас с мотивами финляндского пейзажа; г. Эрнефельт — талантливый портретист, хотя и его пейзажи (например, „Этюд“) открывают любопытные уголки северной природы. Г. Гален выставил несколько превосходных портретов и две картины, изображавшие два эпизода фантастического характера из поэмы „Калевала“. Это — две сложные композиции с сильно фантастическим характером, показанные в темном тоне. Некоторое сходство с г. Галеном имеет г. Бломстед, но он более пейзажист. Некоторые его вещи, например, эпизод из „Калевалы“, „Франческа“, „Полнолуние“, „Солнечные лучи“ прекрасны и по колориту, и по рисунку.

Из числа других финляндских художников мы упомянем гг. Вальгрена, Галонена, Гебгарда, Энгберга, и в особенности г. Эдельфельда, с которым наша публика более или менее знакома по его прежним картинам, бывшим на академической выставке.

Теперь, указав на главные произведения школы, нам нетрудно будет указать на существенный характер ее. Характер этот — живописность. Я хочу этим сказать, что художники этой школы, оставаясь отчасти реалистами в воспроизведении действительности, мало обращают внимания на сюжет, мало заботятся о воспроизведении детальном действительности, и видят в ней только то, что имеет характер живописности в гармонии линий, в сочетании тонов и красок. В этом может быть и заключается существенный характер той художественной реакции, которая обнаруживается в новейшей школе. И эта реакция несомненно имеет свой *raison d'être*. С одной стороны, академическая условность, с другой бестолковый реализм привели живопись к отрицанию ее самой, превратили ее в какой-то снимок, более или менее точный, но лишенного жиз-

ни и живописного характера. Протест против такой узкости был необходим; по времени он выражается странно, претенциозно, иногда архаично, но в нем есть верное чутье задач искусства, и со временем, можно надеяться, из этого движения возникнет настоящая крупная школа»<sup>46</sup>. Владимир Чуйко увидел и показал слабость академической школы, которая превращалась в безжизненную фотографию, слепок жизни (не в упрек фотографам, которые как раз при помощи своего искусства умели «оживлять» снимки). Время национальных школ в живописи уходило в прошлое, как за двадцать лет до этого ушли в прошлое Парижские салоны, не принявшие импрессионистов.

Прошло всего каких-то 16 лет со дня выставки, и другой критик «Нивы» все же осмелится написать, что «произведения финских живописцев за последние десятилетия выдвинулись весьма заметно на горизонте нового искусства» (Нива, 1914, № 11). Но это были все те же Аксель Галлен-Каллела, Ээро Ярнефельт, Пекка Халонен, Альберт Гебхарт, Вяйне Блумстедт...

### Музыка

Иное отношение было к финским композиторам. Может быть, потому, что только к 1914 году на них обратил внимание музыкальный обозреватель «Нивы» Евгений Браудо<sup>47</sup>. Рассказав в начале статьи о кантеле и «Калевале», о необъятности снежных равнин, жутком покое девственных лесов и мрачной фантастике прибрежных скал, автор статьи перешел к основателю финской национальной музыкальной школы Фредрику Пациусу. Помимо таланта композитора, тот был прекрасный организатор и педагог, основал в Гельсингфорсе симфонический оркестр, Хоровое общество, высшее музыкальное училище и студенческий музыкальный кружок, написал музыку гимна Финляндии на слова Рунеберга. Е. Браудо дал краткую характеристику композиторам, которые пришли вслед за Пациусом и в значительной степени были наследниками немецкой школы. Тем не менее народные мотивы в произведениях Филиппа фон Шануа и Мартина Вегелиуса, равно как и романсы Оскара Мериканто, были популярны во всех слоях финского общества.

Браудо характеризовал Мериканто как превосходного пианиста, дирижера и органиста, одного из наиболее видных музыкальных деятелей Финляндии. Но настоящим «Зигфридом-освободителем» финской музыки и отцом-основателем новой финской школы Браудо посчитал Грига, без которого не проявился бы талант Жана (Яна) Сибелиуса. Новая финская музыка композиторов, группирующихся вокруг Сибелиуса, «возбуждает наш интерес главным образом небольшими звуковыми пейзажами импрессионистского типа и мечтательными пьесами, овеянными фантастическими образами народных преданий». И далее: в творчестве Сибелиуса «чувствуется трепет музыкальной души, взволнованной образами героической финской мифологии. Сибелиус любит прибегать в своей музыкальной декламации к мелодическим оборотам народных песен (5-ти и 7-дольного размера). Свежий аромат поэзии чисто финского

<sup>46</sup> В. Чуйко. Всемирная иллюстрация, 1898, № 1515. Чуйко Владимир Викторович (1839–1899) — русский литературный и художественный критик, переводчик. Сотрудничал с рядом газет и журналов, автор монографии о Шекспире.

<sup>47</sup> Е. Браудо. От народной песни к музыкальной драме. Очерк музыкального развития Финляндии. Нива, 1914, № 11. Евгений Браудо (1882, Рига — 1939, Москва) — русский и советский музыковед, публицист и переводчик. Получил музыкальное образование в Рижском музыкальном училище, затем изучал историю музыки в Германии. С 1914 года преподавал в учебных заведениях Петрограда и сотрудничал с художественными и литературными журналами («Аполлон», «Нива» и др.) Профессор, историк западноевропейской музыкальной культуры.

характера присущ всем лучшим произведениям Сибелиуса. Таинственный шепот лесов Суоми, острая и необузданная ритмика мужицких танцев, скудные аккорды кантеле, суровые образы народных легенд, точно высеченные могучим резцом в гранитных скалах, — все это нашло свое звуковое отображение в его партитурах».

Браудо восторгается мастерством Сибелиуса в построении оркестровых партий, во введении в композицию мужского хора, как в оркестровой легенде «Куллерво». Без хора обходится построение оркестрового цикла о герое «Калевалы» Леминкайнене<sup>48</sup>.

Таким образом, критик приветствует и «новое искусство» (которое к 1914 году перестало быть уж совсем новым), стоящее на прочном основании национальной культуры. Наверное, это был тот самый идеал, который требовали профессионалы и публика в те годы.

Е. Браудо называет еще несколько имен композиторов, и первым из них — имя единомышленника Сибелиуса Роберта Каянуса. Браудо считает, что именно Каянус был истинным зачинателем национального движения в истории музыкального развития Финляндии. Но он был менее ярок, чем Сибелиус, в своих музыкальных произведениях. Зато Каянус стал не превзойденным на тот момент дирижером, в котором соединились «чуткость музыкальных интерпретаций с огненной силой подъемов». Он преобразовал небольшой оркестр финской филармонии в первоклассный концертный ансамбль, основал симфонический хор, образцово исполняющий симфонические оратории.

Еще одно имя, неизвестное большинству читателей «Нивы», — это Армас Ярнефельт, на 1914 год директор Стокгольмской королевской оперы, музыкант-лирик, написавший ряд пьес и баллад<sup>49</sup>.

К новому поколению «модернистов» Браудо относит Эрика Мелартина, Селима Пальмгрена, Тойво Куула.

Эрик Мелартин — автор оперы «Айно», четырех симфоний, ряда симфонических поэм и камерных вещей. Его музыкальный стиль Браудо определяет как «интимный и деликатный, не чужд влиянию новофранцузских импрессионистов, оркестровая палитра разнообразна, хотя яркие краски часто подернуты дымкой северных туманов».

Пальмгрена ценят на родине за мужские хоры, а в России за изящные пьесы для роля и оркестровые миниатюры. Куула прославился на родине «ботническими сюитами», написанными на севере и полными народной фантазией.

Не обошел Браудо своим вниманием и финскую оперу, отдав дань восхищения прославленной певице Айно Актэ. В городке Нейшлот с его старинным замком Олафсбург на берегу Сайменского озера она построила оперную сцену. Стены замка в 1912 году стали декорациями оперы Мелартина «Айно», а на следующий год — оперы Мери-канто «Смерть Элины». Браудо восторгается этой задумкой Айно Актэ и убежден, что «чисто народный характер этих празднеств, вся обстановка их несомненно приведут современных финских художников звука к непочатому богатому кладу саг и легенд страны Суоми. И мы не сомневаемся в том, что в области оперы-сказки, оперы-легенды финским музыкантам предстоит еще сказать свое новое слово, раскрыть нам новые источники вечной юности и красоты в искусстве».

<sup>48</sup> Сибелиус. Четыре легенды, ор. 22.

<sup>49</sup> Эдвард Армас Ярнефельт (1869, Выборг — 1958, Стокгольм). Его двоюродным дедом по материнской линии был скульптор Петр Клодт. Братья Арвид и Ээро были, соответственно, писателем и художником, сестра Айно стала женой Яна Сибелиуса. В разные годы Армас Ярнефельт был дирижером оркестра Выборгского музыкального общества, оперным дирижером Национального театра Финляндии, директором Хельсинкского института музыки, директором Финской оперы и Хельсинкского филармонического оркестра. Значительный период жизни жил в Швеции и был главным дирижером Стокгольмской оперы.

### Промышленные выставки

Всемирные промышленные и художественные выставки, проводившиеся с середины XIX века, стали вершинами национальной идеи, предметом гордости национальных государств, на которых последние могли представлять результаты труда своего народа. Первая выставка, организованная в 1851 году в Лондоне, в построенном специально для этой цели «Хрустальном дворце», привлекла всеобщее внимание. Выставки проводились в разных городах преимущественно государств Европы и США нерегулярно, с периодичностью раз в полтора-два года или в пять-шесть лет. Страны на таких выставках смогли сравнивать результаты своей деятельности в разных областях промышленности, техники, культуры и идти к новым достижениям. Вхождение в «открытый клуб» таких государств означало признание высокого уровня экономики.

Кроме всемирных, проводились и национальные выставки, иногда по отраслям деятельности. В 1876 году состоялась Первая Финляндская промышленная выставка. Торжественное открытие состоялось 1 июля с хором, оркестром, приветственными речами председателя выставочного комитета сенатора Борна (на шведском языке) генерал-губернатора Адлерберга (на французском языке) и исполнением национального финского гимна. Здание для выставки было выстроено в Брунст-парке и, несмотря на свои значительные размеры, поражало легкостью. Корреспондент «Нивы» перечислил все отделы или классы, в которых были выставлены экспонаты, и палитра представленной продукции оказалась весьма широкой и давшей картину промышленного и кустарного развития Финляндии на то время.

Итак, класс I художества (архитектура, скульптура и живопись); класс II горное дело; класс III лесное дело и судостроение; класс IV агрономия и садоводство; класс V машины, предметы транспортов; класс VI работы из металлов; класс VII глиняные, фаянсовые и стеклянные изделия; класс VIII материи, одежды, меха, обувь и разные кожаные изделия; класс IX бумажное производство; класс X деревянные, костяные и другие изделия (здесь же мебельные и обойные работы); класс XI химическое производство и питательные вещества; класс XII педагогические пособия, физические, музыкальные и другие аппараты и инструменты; класс XIII гравирование, стереотипия и типографское дело; класс XIV деревенские работы<sup>50</sup>.

Наверное, для тех читателей, кто по старинке предполагал, что Финляндия — это только страна бескрайних лесов и голубых озер, было откровением прочесть про эти 14 разделов, которые охватывали все отрасли производства экономически развитого государства. И недаром сенатор Борн в приветственной речи сказал, что этой выставкой Финляндия должна вступить в число европейских стран. При этом выставка состоялась всего через восемь лет после страшного неурожая, погодных аномалий, приведших к голоду. Если бы не эти трагические обстоятельства, то выставка должна была состояться раньше.

Финляндия также участвовала отдельными павильонами в различных общероссийских и всемирных выставках. В 1893 году «Нива» дала информацию о Первой Всероссийской выставке гигиены и спасания, поворчав о том, что Финляндия всегда найдет возможность устроить в рамках общероссийской выставки свою «вторую» выставку. Главным экспонатом корреспондент «Нивы» назвал сам Финляндский павильон, который представляет «жилой разборный дом-дачу, из трех комнат и кухни, легко разбирающийся в несколько часов для перевозки его с места на место. Стоит он со всеми принадлежностями, кроме печей и фундамента, 2500 рублей, а с доставкой на петер-

<sup>50</sup> Выставка промышленности в Гельсингфорсе. Нива, 1876, № 28.

бургский Финляндский вокзал — 3015. Каменная настилка, служащая основанием павильона, замечательна тем, что совершенно не пропускает влаги, так как сделана из гранитных кубиков с асфальтовой замазкою» (Нива, 1893, № 37).

Описывая Выставку бумажной промышленности в Нижнем Новгороде в 1896 году, «Нива» отмечает, что доля Финляндии в производстве бумаги значительная: она производит более 1 миллиона пудов из 6,5 миллионов пудов в год всего в России. Более того, российские промышленники жалуются, что их теснит сильная финская конкуренция. «Действительно, в Финляндии широко и правильно развита древесно-массовая промышленность и производство целлюлозы — главных материалов для фабрикации бумаги, и Финляндия работает превосходно все сорта бумаги от картона до самых тонких и роскошных бумаг, легко соперничающих с бумагой всему миру известных французских фабрик» (Нива, 1896, № 34).

На Парижской Всемирной выставке 1900 года Финляндия удостоилась собственного здания, и какое это было здание! Построенное по проекту великого трио Линдгрэн—Гезеллиус—Сааринен, которое тогда еще только заявляло о себе, и имена ничего не значили для корреспондента «Нивы» (он их даже не назвал). Хотя, наверное, сыграло роль и общее неприятие «нового стиля» редакцией и многими авторами «Нивы», а потому корреспондент называет его «очень скромным по наружности», имея в виду отсутствие привычных глазу «кондитерских» излишеств зданий в стиле эклектики. «По архитектуре он (павильон. — *Е. Т.*) напоминает деревенскую старинную церковь с высокой круглой башенкой-колокольней. Украшающие павильон орнамент и фигуры воспроизводят главные естественные богатства страны, ее фауну и флору; тут и медведи, и лягушки, и большие сосновые шишки. Очень красив и оригинален орнамент над входными дверями, представляющий ряд голов медведей; над другими дверями орнамент скомпонован из цепляющихся друг за дружку белок. Первое впечатление при входе в павильон — это изящная скромность, как бы семейственность и ясно выраженная сознательная любовь финляндцев к их угрюмой и бедной родине. И это впечатление растет по мере ознакомления с экспонатами. На стенах большие картины и фрески, представляющие сцены из Калевалы и рисующие главные мотивы финляндской природы и важнейшие моменты жизни народа. Многие из этих картин написаны лучшими художниками Финляндии» (Нива, 1900, № 51).

В качестве экспонатов были выставлены аэролит, упавший в 1899 году у деревни Бьюрболе, падение которого было видно на северо-западе: по всей Центральной Швеции и от Вильно до Ладожского озера, и коллекция гранитов. В отделе маяков и лоций были представлены модели ледоколов «Сампо» и «Муртайя». В павильоне показаны также рыбные промыслы, сельское хозяйство и кустарное ремесло. Но главным корреспондент «Нивы» счел экспонаты, которые демонстрируют постановку учебного дела и изучения родины: «Кажется, что все силы финляндцев направлены к умственному и культурному развитию своей страны, и по представленным образцам мы наглядно знакомимся, как благодаря этому повышается и качество, и производительность их труда».

Таким образом, Финляндия и на Всемирной выставке в Париже смогла, по словам корреспондента «Нивы», должным образом представить себя с лучшей стороны и показать свои реальные достижения. И напротив, при описании сельскохозяйственного павильона России корреспондент чуть не плачет от увиденного: «Из всей нашей выставки едва ли не самым жалким был отдел сельского хозяйства. Всякий русский, посетивший его, с чувством горькой обиды и стыда, спешил поскорее с ним расстаться. [...] Но это еще не беда, будь экспонаты интересны. Однако, чье внимание могли привлечь взятые из музеев несколько сельско-хозяйственных орудий, отдельные коллекции

возделываемых в России хлебов, льна, пеньки, табака и почв? Тут же несколько отрывочных диаграмм, картограмм, рельефных карт ирригации и дренажа, аппараты по метеорологии. У главного входа в отдел примостился ряд неуклюжих столбов из зерна, долженствующих иллюстрировать средний сбор главнейших хлебов в России и отношение к нему вывоза за границу. Если к этому с подлинным верному описанию прибавить, что большая часть экспонатов расставлена была на древних столах-ветеранах, побывавших и в Чикаго, и в Антверпене, и в Стокгольме, и в Нижнем-Новгороде, то читателю будет понятно, почему наш сельско-хозяйственный отдел производил впечатление чего-то безжизненного, затхлого, организованного без всякой основной идеи, без всякого сознания практической цели участия России».

Но собственно, для этого всемирные выставки и проводились, следуя русской половице «на людей посмотреть и себя показать». Наверное, можно сказать, что «Нива» слишком предвзято относилась к успехам Финляндии и неудачам России, но это и является интересной темой для анализа российского общества того времени.

Финляндский отдел на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге также вызвал положительные оценки «Нивы»: «...финляндский (отдел) весь выдержанный в строгом *puuveau style*, поражающий массой художественных новинок, которые наглядно указывают, что творческая жизнь в этой северной стране бьется бодро». На фотографии были изображены женщины в нарядных национальных костюмах за ткацкими станками. При этом корреспондент «Нивы» был в восторге от всех экспонентов выставки, предвещая российской кустарной промышленности большое будущее (Нива, 1902, № 12).

Сельскохозяйственная выставка в Куопио попала на страницу «Нивы» в виде нескольких фотографий. Из подписей читатель понимал, что на выставке есть лесной отдел, отдел рукоделий и рыбной ловли (Нива, 1906, № 36).

Лишь фотографий удостоилась и Кулинарная выставка в Михайловском манеже в Петербурге. В Финляндском отделе были представлены соленая рыба, масло, консервированное мясо, долго сохраняющиеся лепешки из ржаной муки и пр. (Нива, 1907, №10).

## ПОЛИТИКА

Важной частью представлений о Финляндии была ее политическая жизнь и место, которое Великое княжество занимало в Российской империи. Вопросам политики «Нива» уделяла довольно большое внимание. Во всяком случае, журналисты информировали своих читателей о всех значимых дискуссиях и событиях, связанных с Финляндией. Это касалось и освещения работы Государственной думы и, в особенности, тех ее заседаний, на которые выносились вопросы первостепенной важности. В таких случаях во избежание ошибок давалась прямая речь депутатов или подробный пересказ речи или документа. Нельзя сказать, что Финляндия, именно как государственное образование, часто появлялась на страницах «Нивы». Но было несколько поворотных точек (некоторые из них по-настоящему кризисные), которые приковывали внимание к Финляндии в данный момент.

В январе 1872 года состоялось торжественное открытие финляндского сейма, где генерал-губернатор зачитал речь Александра II к депутатам, которая сводилась к следующему. Сейм открывался вскоре после неурожая и голода конца 1860-х годов в Финляндии, которые привели к жестоким испытаниям и смертям населения страны. Царь назвал это «горестным для моего сердца воспоминанием». Но спустя годы последовали обильные урожаи, строительство железной дороги от Петербурга до Хельсинки,



оживились земледелие, торговля и промышленность, улучшилось состояние экономики. И целью своей политики Александр назвал «сближение жителей различных местностей», и таковое сближение должно послужить делу всестороннего развития и «постепенному рассеянию местных предубеждений» и «упрочению чувства приязни и единства между народами».

Затем шли два важных и «больных» для Финляндии конкретных вопроса, завязанных один на другой: введение в делопроизводство русского языка и воинская повинность — и чиновники, и солдаты должны были понимать инструкции и приказы своих начальников и командиров. В связи с начавшейся в Финляндии школьной реформой и несмотря на более ранние безуспешные попытки введения в школьную программу русского языка, царь тем не менее повелел вновь ввести его в качестве одного из обязательных предметов. Введение в княжестве общей воинской повинности откладывалось до времени введения ее в империи. Всего, как пишет «Нива», на рассмотрение сейма было внесено 34 Высочайших предложения (Нива, 1872, № 7).

Затем на протяжении почти 30 лет, по мнению «Нивы», в Финляндии, видимо, «тишина бысть», если употребить это летописное изречение. О неких «коренных преобразованиях в Финляндии» читатель узнавал косвенно, иногда из некрологов, как, к примеру, из некролога статс-секретаря В. К. Плеве (без «расшифровки», что он был единомышленником генерал-губернатора Бобрикова и проводил активную политику русификации Финляндии: изменения учреждения Финляндского Сената, новый устав о воинской повинности и введение русского языка в делопроизводство).

Кризисным моментом стало убийство генерал-губернатора Н. И. Бобрикова студентом Евгением Шауманом в 1904 году. «Нива» подробно описала жизненный путь убитого: свитский генерал, благополучно для себя миновавший все сражения тех десятилетий и «оказавший блестящие военно-административные способности», в 1889 году назначенный финляндским генерал-губернатором из кабинета начальника штаба войск гвардии Петербургского военного округа. Он свято выполнял напутствие Николая II: «Вверяя попечениям и заботам вашим благосостояние и процветание этого близкого Моему сердцу края, Я питаю уверенность, что неизменно руководствуясь данными Мною указаниями, исполнение новых обязанностей ваших одушевлено будет стремлением вкоренения в сознание местного населения всей важности для блага Финляндского края теснейшего единения его с общим для всех верноподданных отечеством». Собственно, это «вкоренение» и стоило Бобрикову жизни, но, с другой стороны, сделало его героем для части населения России (Нива, 1904, № 24).

Новым генерал-губернатором был назначен князь И. М. Оболенский. «Нива» привела слова из царского рескрипта о назначении, что он возлагает на нового финляндского генерал-губернатора заботу о «теснейшем единении Финляндии с остальной Империей». Особому попечению князя вверено «укрепить в сознании финского народа убеждение, что исторические судьбы его неразрывны с судьбами России и что дальнейшее преуспеяние Финляндии под сенью русского государства и дарованных ей учреждений зависит от прочного водворения в стране мирного течения жизни» (Нива, 1904, № 27). Смысл напутствия был примерно тот же, что Бобрикову, но только вместо «вкоренения» было употреблено слово «укрепление». Видимо, имелось в виду, что некие основные положения неразрывной связи Бобриковым были уже «вкоренены» и теперь осталось их только «укрепить».

Следующим кризисом для Финляндии, как и для всей империи, стала Первая русская революция 1905—1907 годов. «Нива» напечатала царский Манифест, касающийся Финляндии. В нем поручалось Сенату составить новый проект сеймового устава на началах «всеобщего и равного права подачи голосов при избрании народных предста-

вителей»; проекты законоположений о свободе слова, собраний и союзов; проект закона о свободе печати и прекращении деятельности предварительной цензуры. Проекты должны были быть поданы в самое кратчайшее время на чрезвычайном сейме. В этом же номере была напечатана фотография, озаглавленная «События в Финляндии. На площади Сената в Гельсингфорсе: в ожидании провозглашения Манифеста» (Нива, 1905, № 46).

На обсуждение I Государственной думы были внесены два законопроекта, касающиеся Финляндии: о возложении на Великое княжество части военных расходов империи в размере 12 миллионов рублей и о равноправии русских в княжестве с финляндскими гражданами.

Если следовать стенограммам выступлений, которые приводит «Нива», то возмущало депутатов то, что финны не только не служат в армии на территории России, но и подушная плата с них взимается в меньшем размере, чем с русских. Мещанин Крылов, слова которого приводит «Нива», напомнил, что «Финляндия вступила в состав российской державы по праву оружия, была завоевана после пролития крови» и русские должны иметь не меньше прав, чем финляндцы.

Конец всем дебатам по поводу службы финляндцев и денежных платежей взамен этой службы был положен Манифестом Николая II от 24 сентября/7 октября 1909 года. Согласно ему, жителей Великого княжества Финляндского не привлекали к отбыванию личной воинской повинности и взамен ее возлагали на финляндскую казну обязанность вносить платежи в размере 10 миллионов марок в год.

И если в части военных расходов вопрос был в конце концов решен: граждане Финляндии не служили в армии империи, но княжество платило за них отступные, то со вторым было сложнее. И не в последнюю очередь потому, что вмешались дачники, имевшие землевладения по всей длине Финляндской железной дороги, жившие на дачах с мая по сентябрь, но претендовавшие на то, чтобы иметь равные права с гражданами в участии в городском и сельском самоуправлении. А поскольку иногда дачные местности по численности населения в разы превосходили постоянное — проживающих в своих деревнях финнов, то опасения были не беспочвенны.

В данном вопросе «Нива» стояла всецело на сторону русских в их борьбе за равноправие, но поскольку этот вопрос решался в инстанциях долго и нудно, то о нем, как о многих других, как-то нечасто вспоминали. Решение само собой переходило на откуп энтузиастам на местах, которые врывались на заседания общинных советов и требовали участия в дебатах на русском языке, в чем им неизменно отказывалось. Далее следовало судебное разбирательство, председатель общинного собрания отправлялся на пару месяцев в тюрьму за неуважение, но возвращался как герой, и все повторялось. Мы здесь не останавливаемся на этих деталях, потому что «Нива» не освещала подобные случаи; их можно было найти только в газетах.

И если для справки (по данным официоза империи — «Финляндской газеты») перечислить, в чем было отказано негражданам, то это: права в участии в сеймах и сеймовых выборах; поступления на службу в местные правительственные учреждения; все права общественного и городского самоуправления; заниматься судостроительством (судостроением); быть командирами финляндских судов; курить (изготавливать) спирт и торговать винами; сооружать железные дороги; учреждать сберегательные кассы; быть опекунами, если имущество находится в Финляндии; право свободы слова и союзов.

Следующий кризис — это роспуск I Государственной думы в июле 1906 года. Финляндии он касался непосредственно, потому что 180 бывших депутатов собрались в Выборге, ближайшем к Петербургу городе княжества, и приняли там «Выборгское воззвание», призывавшее к пассивному сопротивлению властям. После Выборга часть бывших

депутатов — трудовики и кадеты — перебрались в Терийоки<sup>51</sup> и продолжили совещание, рассматривая варианты дальнейших совместных действий. «Нива» не стала рисковать и обошлась без текста, напечатав лишь две фотографии. На первой изображены сидящие на стульях и деревянных скамьях бывшие депутаты, которые на лесной лужайке обсуждают некую резолюцию. На второй — они же, но уже позирующие фотографу. Подпись под фотографиями гласила: «Члены первой Государственной Думы, собравшиеся после роспуска Думы на заседание в Финляндии». (Нива, 1906, № 28). По окончании совещания в Терийоках депутат М. Я. Герценштейн был убит черносотенцами, что послужило началом длительного полицейского расследования и нашло в дальнейшем отклик на страницах «Нивы». В 1907 году печатались фотографии со свидетелями по делу об убийстве, которое вели финляндские следователи, и в 1909 году — с заседаний суда в Кивеннапе.

В конце июля 1906 года, спустя всего 10 дней после подписания «Выборгского воззвания» произошло восстание в крепости Свеаборг и Гельсингфорсе. «Нива» поместила фотографии с улиц города, дав официальное сообщение и озаглавив фотографии «К событиям в Свеаборге и Гельсингфорсе». В тексте говорилось о мятеже нижних чинов гарнизона Свеаборгской крепости, спровоцированных русскими революционерами и финляндской красной гвардией. На фотографиях были запечатлены бомбардировка Свеаборга правительственными войсками, патрули на улицах Гельсингфорса, аресты красногвардейцев, разрушения в Свеаборге.

В 1907 году состоялись первые всеобщие выборы в сейм Финляндии. Они привлекали к себе внимание всей либеральной России. Как писала «Нива», до того времени существовало четырехпалатное народное представительство: рыцари и дворянство; духовное сословие, учителя и профессора; крестьяне; горожане. По новым законам, во-первых, женщины получили право избирать и быть избранными (и Финляндия стала первой страной в Европе, сделавшей этот шаг); во-вторых, каждый не опороченный и не находящийся на общественном призрении гражданин, достигший 21-летнего возраста. В Финляндии была достигнута идеальная форма выборов — всеобщие, равные, тайные и прямые. «Нива» рассказывала о процессе выдвижения кандидатов от различных партий, особо обращая внимание на кандидатуры женщин. На примерно 1 400 000 избирателей приходилось 72 зарегистрированных партии, вошедшие в семь избирательных союзов, занесенных в бюллетени. Союзы сформировали шведская народная партия, старофинны, социал-демократы, младофинны, христианские партии. В союзы не вошли социалисты и трезвенники. В день выборов фотокорреспонденты прошли по улицам финских городов, а затем снимки были помещены в различных журналах, и в том числе в «Ниве».

В правление императоров Александра III и, особенно, Николая II попытки на государственном уровне ущемить права и свободы Великого княжества Финляндского, закрепленные на сейме в Борго в июле 1809 года и подтвержденные Александром II в 1863 году принятием Конституции, все нарастали. Бобриковское «вкоренение» было первой ласточкой, и III Государственная дума всерьез взялась за «финляндский вопрос».

Согласно подробным отчетам «Нивы» с заседаний Думы, сформировались две непримиримые партии. 5 мая 1908 года председатель Совета министров П. А. Столыпин ответил на запросы, поданные правыми и октябристами, по сути солидаризовавшись с ними: «Попустительства местных генерал-губернаторов внушили финляндцам мысль о том, что у них существует особая от России государственность, и этим мирозерцанием прониклась вся финляндская интеллигенция, направившая все силы к тому,

<sup>51</sup> Современный город Зеленогорск Курортного района Санкт-Петербурга.

чтобы провести эту теорию в жизнь посредством постепенного сокращения области так наз. Административного законодательства, составляющего прерогативу монарха. Мечта о возможно большей самостоятельности страны и толкала горячие головы в ряды красной гвардии и Воймы.

Между тем, по Фридрихсгамскому договору и последующим актам Финляндия состоит в собственности и державном обладании империи, и Александр I, даруя ей внутреннюю автономию, никогда не думал о создании особого государства. Отношения Финляндии к России определяются односторонне державными правами России. Право Финляндии устанавливать свои внутренние законы не покрывает вопросов, затрагивающих общеимперские интересы. Чтобы раз навсегда покончить с финляндским вопросом, необходимо заполнить пробел в существующем законодательстве относительно взаимоотношений имперского законодательства к финляндскому, — и этот вопрос может быть разрешен лишь общеимперскими учреждениями» (Нива, 1908, № 20).

Через три дня Дума вернулась к «финляндскому вопросу» и заслушала депутата Маркова-второго (правые) с еще более радикальной речью и «объявившего сейм в Борго сборищем государственных изменников, так как финляндцы в то время были еще шведскими подданными и, следовательно, не могли вести переговоров с русским монархом, а потому Акт Императора Александра I и решение сейма в Борго не имеют силы закона. Если же допустить, что финляндцы правы в своих домогательствах, то нельзя терпеть в 26 верстах от столицы враждебное нам государство и необходимо вторично завоевать его. Оратор объявил целый ряд государственных деятелей, «поощряющих отторжение Финляндии от России» (Герарда, Оболенского, Лангофа и др.), государственными изменниками и требовал предания их суду. «Русский орел не должен бояться северной кошки, — и нужно отменить финляндскую конституцию, если она мешает благу России» (Нива, 1908, № 21).

Ему и премьер-министру возражал депутат от партии конституционных демократов Милюков и «пришел к тому выводу, что Финляндия есть „часть государства, управляемая своими законами и своим правительством“». Он доказывал, что всякая попытка поставить общеимперские учреждения над финляндскими как высшую инстанцию является незакономерной, и сослался на манифест 22 февраля 1905 года, который говорит о восстановлении в Финляндии того закономерного порядка, который русским же правительством был нарушен так называемым «бобриковским манифестом» 3 февраля 1899 года. Фидрихсгамский договор — не единственный источник, определяющий государственно-правовое положение Финляндии: этот договор определяет не внутренние отношения ее к империи, а международное положение Финляндии, и в его статье 6 имеется упоминание о том, что права финляндцев установлены на сейме в Борго соглашением русского государя с представителями народа. А на сейме в Борго император Александр I утвердил конституционные законы и учредил особое правительство из коренных финляндцев, которое в последней инстанции, независимо от какой-либо другой власти, кроме власти закона и сообразующейся с ним монаршей воли, и должно управлять Финляндией. Воля монарха добровольно ограничила себя известными пределами, и такое обещание связывает верховную власть так же безусловно, как и договор.

Таким образом, требование председателя Совета министров рассмотреть и вотировать в Государственной думе законопроект, устанавливающий порядок разрешения общих дел империи с Финляндией, равносильно полному уничтожению государственной автономии Финляндии, подчинению этой страны имперским учреждениям; это было бы повторением бобриковской попытки нарушить финляндскую конституцию в 1897 году. «Неужели то, — закончил депутат Милюков, — что не удалось совершить русскому са-

модержавию, уничтожение беззащитной маленькой нации, — неужели это будет первым положительным делом конституционной России, русского народного представительства?» (Нива, 1908, № 21).

Таким образом, спектр настроений простирался от «положить предел безнаказанному злоупотреблению терпением могучей империи и неслыханному глумлению над национальным ее достоинством» до пожеланий финляндцам «твердо держаться в борьбе за свои права» до того времени, когда «все нации, проживающие в России, станут истинными братьями». Партия кадетов где-то посередине «выражала уверенность, что культурные и корректные финляндцы поймут, что Финляндия, при всей полноте своих автономных прав, есть все же часть великой России, и совместное сотрудничество Гос. Думы с финляндским сеймом в выработке тех новых норм, на которых должна быть устроена совместная жизнь великого княжества и империи, уладит этот жгучий вопрос без всякого конфликта». А мирнообновленцы в лице депутата Львова рекомендовали решить вопрос «не путем закрепощения Финляндии, а раскрепощения России» (Нива, 1908, № 21).

Прения по вопросу с той же энергией продолжились в 1910 году на заседаниях IV Думы, когда на семьдесят четвертом ее заседании обсуждали все тот же законопроект о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. «Депутат Милюков доказывал, что законопроект неправомерен, и что правительство требует от Гос. Думы участия в неправомерном акте; что без согласия финляндского сейма не могут быть ни изменяемы финляндские законы, ни вводимы новые; настоящий же законопроект не представлен на рассмотрение сейма, и принятие его Гос. Думою было бы явным нарушением государственной автономии Финляндии, гарантированной ей всеми русскими государями, начиная с императора Александра I. К этой точке зрения присоединились и прочие ораторы с левых скамей...» (Нива, 1910, № 11).

Правые, в лице графа Бенигсена от октябристов, возражали депутату Милюкову, утверждая, что «Финляндии была обещана монархами внутренняя, а не государственная автономия, и если вопрос об общеимперском законодательстве по делам, касающимся Финляндии, передан на рассмотрение Гос. Думы и Совета, а не разрешен личной волей Государя, — как предлагали некоторые высшие лица нашей администрации, то Дума должна отнестись с благодарностью к этому акту Монаршей милости, а не отвергать законопроект. С правых скамей заявлено было требование (деп. Марков 2-й) чтобы Дума возможно скорее приступила к ограждению прав русского народа от систематического ограбления со стороны финляндцев и выполнила совершенно ясное Высочайшее повеление, которое должно быть законом для Думы». В результате голосования законопроект, большинством против кадетов, трудовиков и социал-демократов, был передан в особую комиссию (Нива, 1910, № 11).

Но ни на одном из заседаний Думы не был задан самый главный «финляндский» вопрос: а зачем России вообще нужна Финляндия? На него попытался ответить безымянный журналист «Нивы»: «Как бы далеко ни зарывались в финляндском вопросе слишком страстные русские патриоты — и русское общество, и русское правительство всегда будут настроены мягко и примирительно, потому что в сущности, России нужна совсем не Финляндия с ее бесплодными гранитами и крепким, как гранит, своеобразным народом, а только фактическое обладание Финским заливом. Реальные политические интересы России вполне удовлетворяются существующим положением, то есть, признанием ее верховных прав, дающих обладание морем, и сохранением полной автономии внутреннего управления Финляндии. В этом смысле и должен быть решен финляндский вопрос» (Нива, 1907, № 46).

То есть мы вернулись в начало — к суровым гранитным скалам и упорному народу.